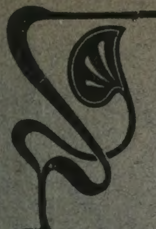
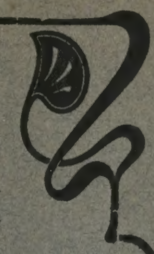
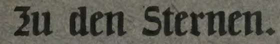
K ZVEZDAM

L. N. Andreev

Цѣна 1 мар. 50 пф. Preis 1,50 Mark.

Zu den Sternen.

Drama in 4 Akt. von Leonid Andrejew.

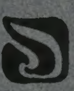
• • •

ЛЕОНИДЪ АНДРЕЕВЪ.

КЪ ЗВѢЗДАМЪ

ДРАМА

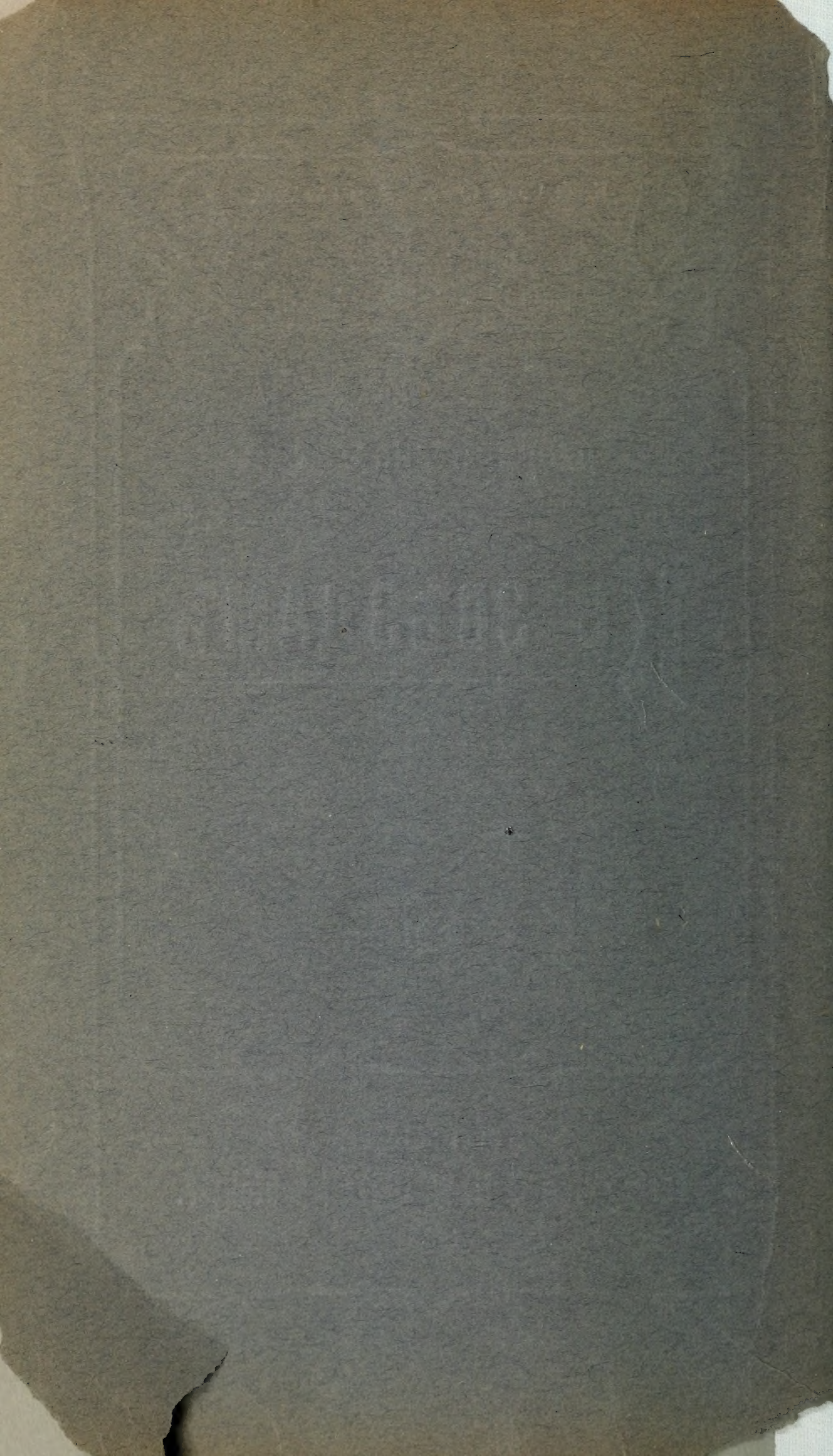
въ 4-хъ дѣйствіяхъ.

STUTTGART.

Verlag von J. H. W. Dietz Nachfolger.

1906.

Zu den Sternen.
Drama in 4 Akten von Leonid Andrejew.

Леонидъ Андреевъ.

КЪ ЗВѢЗДАМЪ

ДРАМА
ВЪ 4-ХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

STUTTGART.
Verlag von J. H. W. Dietz Nachfolger
1906.

DRUCK VON ROSENTHAL & CO, BERLIN SO. 16,
Runge-Strasse 20.

ПОСВЯЩАЮ

МАТЕРИ МОЕЙ АНАСТАСІИ НИКОЛАЕВНѢ АНДРЕЕВОЙ.

ЛЕОНИДЪ АНДРЕЕВЪ.

Дѣйствующія лица.

СЕРГѢЙ НИКОЛАЕВИЧЪ ТЕРНОВСКІЙ — русскій ученый, уѣхавшій заграницу. Директоръ обсерваторіи. Знаменитъ; членъ многихъ академій и ученыхъ обществъ. Пятьдесятъ шесть лѣтъ, но на видъ кажется моложе. Движенія плавныя, спокойныя и очень точныя; также сдержанъ и точенъ въ жестикуляціи — ничего лишняго. Вѣжливъ, внимателенъ, но отъ всего этого отдаетъ холодомъ.

ИННА АЛЕКСАНДРОВНА — жена его, тѣхъ-же почти лѣтъ.

Дѣти Терновскихъ:

НИКОЛАИ — 27 лѣтъ.

АННА — 25 лѣтъ. Красива и суха. Одѣта не къ лицу.

ПЕТЯ — 18 лѣтъ. Блѣдный, изящный, хрупкій; черные, вьющіеся волосы, бѣлый откладной воротникъ.

ВЕРХОВЦЕВЪ, ВАЛЕНТИНЪ АЛЕКСѢЕВИЧЪ — мужъ Анны. Лѣтъ 30. Рыжій. Самоувѣренъ, повелителенъ, насмѣшливъ. Иногда грубъ. Инженеръ.

МАРУСЯ — невѣста Николая, 20 лѣтъ. Красивая.

Ассистенты Терновскаго:

ПОЛЛАКЪ — сухой, высокій, съ большимъ лысымъ черепомъ, корректный. 32 года. Механиченъ. Куритъ сигары.

ЛУНЦЪ, ІОСИФЪ АБРАМОВИЧЪ — еврей, 28 лѣтъ. Привычка обращаться съ точными инструментами придаетъ движеніямъ сдержанность и точность; но при волненіи Лунцъ не выдерживаетъ и жестикулируетъ со страстностью южанина-семита.

ЖИТОВЪ, ВАСИЛІИ ВАСИЛЬЕВИЧЪ — неопредѣленнаго возраста. Великъ, волосатъ, медвѣдеобразенъ. Всегда сидитъ. Своеобразно красивъ.	Ассистентъ Терновскаго.

ТРЕИЧЪ — Рабочій, 30 лѣтъ. Черный, худощавый, очень красивый; сильно изогнутыя брови; дальнозорокъ. Простъ, серьезенъ, несловоохотливъ.

ШТОЛЬЦЪ — Молодъ. Маленькаго роста; мелкія но правильныя черты лица; одѣтъ тщательно, говоритъ тонкимъ голосомъ. Имѣетъ видъ незначительный.

МИННА — служанка.

ФРАНЦЪ — слуга.

СТАРУХА.

Дѣйствіе первое.

Обсерваторія въ горахъ. Поздній вечеръ. Сцена представляетъ двѣ комнаты: первая, нѣчто вродѣ столовой, большая, съ бѣлыми, толстыми стѣнами; у оконъ, за которыми мечется во тьмѣ что-то бѣлое, очень широкіе подоконники; огромный каминъ, въ которомъ горятъ полѣнья. Убранство простое, строгое, отсутствіе мягкой мебели и занавѣсокъ. Нѣсколько гравюръ: портреты астрономовъ, волхвы, приведенные звѣздою къ Христу. Лѣстница вверхъ въ библіотеку и кабинетъ Терновскаго. Задняя комната — обширный рабочій кабинетъ, въ общемъ похожій на первую комнату, но безъ камина. Нѣсколько столовъ. Фотографіи звѣздъ и лунной поверхности, нѣкоторые простѣйшіе инструменты. Сидитъ за работой ассистентъ Терновскаго Поллакъ. Въ передней комнатѣ Инна Александровна и Житовъ разговариваютъ; Петя читаетъ; Лунцъ ходитъ взадъ и впередъ. У очага кухарка, нѣмка, готовитъ кофе. За окнами свистъ и вой горной вьюги. Потрескиваютъ дрова въ каминѣ. Равномѣрно звонитъ колоколъ, сзывая заблудившихся.

Инна Алекс. Звонитъ, звонитъ, а все безъ толку. За четыре дня хоть-бы кто пришелъ. Сидишь, сидишь, да и подумаешь: ужъ живы ли тамъ люди-то?

Петя (отрываясь). А кому прійти? Кто пойдетъ сюда?

Инна Алекс. Ну, мало ли кто! Снизу можетъ кто прійти.

Петя. Не до того имъ, чтобы по горамъ лазить.

Житовъ. Да, положеніе затруднительное. Дороги нѣтъ — какъ въ осажденномъ городѣ, ни оттуда, ни отсюда.

Инна Алекс. Денька черезъ два и ѣсть нечего будетъ.

Житовъ. Такъ посидимъ.

Инна Алекс. Вамъ то хорошо говорить, Василій Васильевичъ, вы какъ медвѣдь своимъ жиромъ недѣлю сыты будете, а что мнѣ съ Сергѣемъ Николаевичемъ дѣлать?

Житовъ. А вы ему запасъ сдѣлайте, мы и такъ обойдемся. Лунцъ, а Лунцъ, вы бы сѣли! (Лунцъ не отвѣчаетъ, ходитъ.)

Инна Алекс. Ну и сторонка! Постойте, словно постучалъ кто. Постойте-ка! (Прислушиваются.) Нѣтъ, показалось. Какая мятель! У васъ такой не бываетъ.

Житовъ. Бываетъ. Въ степи.

Инна Алекс. Въ степи не жила. Не знаю. Какъ бьетъ въ окна!

Петя. Ты напрасно ждешь, мама, никто не придетъ.

Анна Алекс. А можетъ? . . . (Пауза.) Газеты старыя почитать что-ли — да ужъ читаны, перечитаны. Іосифъ Абрамычъ, вы ничего новенькаго не слыхали?

Лунцъ (останавливаясь). Откуда же я могу услышать? Какъ вы странно спрашиваете. Вѣдь это же невозможно, ей Богу. Откуда я могу услышать, сами посудите. Странно!

Инна Алекс. Ну-ну, я такъ, не сердитесь. Душа кровью обливается, какъ подумаешь, что тамъ дѣлается, что тамъ дѣлается. Господи!

Житовъ. Дерутся.

Инна Алекс. Дерутся! Вамъ-то легко говорить, Василій Васильевичъ, у васъ тамъ никого своихъ нѣту, а у меня вѣдь дѣти! И ничего-то не знаешь, какъ въ лѣсу . . . да какое въ лѣсу! Въ лѣсу хоть птица пролетитъ, заяцъ пробѣжитъ, а тутъ . . .

Лунцъ (на ходу). Можетъ быть тамъ уже полная побѣда. Можетъ быть тамъ уже новый міръ — на развалинахъ стараго.

Житовъ. Не думаю. Не похоже было.

Петя. Почему это не думаете? Вы читали, что министерство подало въ отставку, что весь городъ въ баррикадахъ, что пролетаріатъ уже овладѣлъ ратушей. А за пять дней что могло произойти!

Житовъ. Ну, можетъ быть, не знаю. Лунцъ, вы бы сѣли. По моему разсчету вы за эти дни верстъ двѣсти сдѣлали.

Лунцъ. Отстаньте! Я вамъ не мѣшаю, и вы мнѣ не мѣшайте. Какъ это некультурно: врываться въ чужую жизнь. Я же не говорю вамъ: Житовъ, не дремлите по цѣлымъ часамъ, вы уже проспали вѣчность. Я не говорю!

(Петя подходитъ къ Лунцу и тихо разговариваетъ съ нимъ о чемъ-то. Ходятъ рядомъ, изрѣдка обмѣниваясь словами.)

Инна Алекс. (тихо Житову). Экій недотрога! Ну что же, Василій Васильевичъ, выпьемъ кофейку, что ли, съ горя.

Житовъ. Я бы чаю выпилъ.

Инна Алекс. Сказалъ! Я бы и сама, батюшка, чайку-то бы выпила, да гдѣ его возьмешь. Съ малиновымъ вареньемъ бы — хорошо.

Житовъ. А я такъ — въ прикуску.

Инна Алекс. Да что ужъ! Вы вотъ что скажите, Василій Васильевичъ, — ко всему я тутъ привыкла, ну ко всему, и къ горамъ этимъ и къ безлюдью, а вотъ березку позабыть не могу. Какъ подумаю, какъ вспомню — такъ часа два плачу, какъ угорѣлая. У насъ въ имѣньи усадьба на горькѣ стояла, а вокругъ березовая роща — какая роща. Послѣ дождя такой бывало подымется запахъ, что . . . что . . . (Утираетъ глаза.)

Житовъ. А вы бы взяли, да и съѣздили въ Россію мѣсяца на два.

Инна Алекс. А съ кѣмъ же я его оставлю? Онъ тоже меня сколько разъ уговаривалъ — да развѣ это можно! Ну вдругъ заболѣетъ? — года у меня съ нимъ не маленкіе.

Житовъ. Я останусь.

Инна Алекс. Нѣтъ, нѣтъ и не говорите. Нѣту березки, и не надо, вѣдь я къ слову сказала. Нѣтъ, нѣтъ. Тутъ тоже хорошо. Вотъ весна идетъ . . .

Житовъ. А если бъ его въ Сибирь услали? Поѣхали бъ?

Инна Алекс. А почему жъ не поѣхать. И въ Сибири люди живутъ. Эка!

Житовъ. Вы славная, Инна Александровна.

Инна Алекс. (нѣжно). А ты глупый, развѣ старухамъ такія вещи говорятъ. А и вправду, Василій Васильевичъ, отчего бы вамъ не жениться. Жили бы тутъ, да поживали, какъ мы вотъ съ Сергѣемъ Николаевичемъ.

Житовъ. Нѣтъ, куда мнѣ. Человѣкъ я непосѣдливый.

Инна Алекс. (смѣется). То-то, похоже.

Житовъ. Нѣтъ вѣрно. Нынче здѣсь, а завтра тамъ. Я и астрономію скоро брошу. Я вотъ въ Австраліи еще не былъ.

Инна Алекс. А туда зачѣмъ?

Житовъ. Да такъ. Посмотрѣть, какъ люди живутъ.

Инна Алекс. Да вѣдь у васъ, Василій Васильевичъ, и денегъ то нѣтъ. Это тому хорошо путешествовать, у кого есть деньги.

Житовъ. Да я не путешествовать, я такъ. Поступлю на желѣзную дорогу или на заводъ.

Инна Алекс. Изъ астрономовъ то?

Житовъ. Что же этому легко научиться. Я механику знаю. Мнѣ немного надо, я человѣкъ неизбалованный. (Пауза. Свистъ вьюги сильнѣе.)

Петя. Мама, а папа гдѣ? Работаетъ?

Инна Алекс. Да, просилъ не мѣшать ему.

Петя (пожимая плечами). Какъ онъ можетъ работать въ такое время! не понимаю.

Инна Алекс. А такъ и можетъ. Что же, лучше, если онъ вотъ такъ метаться будетъ? Вонъ, Поллакъ, тоже работаетъ.

Петя. Ну, Поллакъ . . . Про него я уже не говорю. Поллакъ! (Тихо говоритъ съ Лунцемъ.)

Житовъ. Поллакъ человѣкъ талантливый, онъ черезъ пять лѣтъ знаменитостью будетъ. Энергичный человѣкъ. (Инна Александровна смѣется.) Чего вы смѣетесь, развѣ не правда?

Инна Алекс. Да нѣтъ, я не тому. Очень онъ чудакъ; иной разъ и не хорошо, а не удержишься . . . Онъ на какой-то инструментъ похожъ — какой у насъ есть инструментъ вродѣ него?

Житовъ. Не знаю.

Инна Алекс. Астролябія, кажется.

Житовъ. Не знаю. А какъ вотъ можете вы смѣяться, удивляюсь я.

Инна Алекс. (вздыхаетъ). Безъ смѣха нельзя, только смѣхомъ иногда и спасаешься. Вотъ тоже разскажу я вамъ. Ѣхали мы тогда изъ Россіи съ дѣтьми, со скарбомъ . . . дѣла были плохія, на билеты денегъ хватило, да и все тутъ. И какъ это случилось, до сихъ поръ понять не могу — потеряла я билеты. Никогда ничего не теряла, а тутъ . . .

Житовъ. Гдѣ же это, въ Россіи?

Инна Алекс. Если бы въ Россіи, а то за границей уже. Сидимъ мы на какой-то австрійской станціи, дѣти, чемоданы, подушки . . . взглянула я на эти подушки, да какъ захохочу! Ей Богу! Сейчасъ смѣшно вспомнить.

Житовъ. А скажите, Инна Александровна, я до сихъ поръ толкомъ не разберусь: за что Сергѣй Николаевичъ высланъ изъ Россіи?

Инна Алекс. Да его не высылали, самъ уѣхалъ. Поссорился съ начальствомъ. Бумагу какую-то скверную заставляли его подписать, а онъ не сталъ, а потомъ министру дерзостей наговорилъ. Ну и уѣхали, а тутъ предложили ему эту обсерваторію — вотъ двѣнадцать лѣтъ на камняхъ и живемъ.

Житовъ. Значитъ онъ можетъ вернуться, если захочетъ?

Инна Алекс. Да зачѣмъ? Въ Россіи, вы знаете, такихъ обсерваторій нѣтъ.

Житовъ. А березка-то!

Инна Алекс. Ну, вотъ, пустяки какіе! Постойте, кто-то стучитъ. (Вой мятели.)

Житовъ. Нѣтъ. Показалось.

Инна Алекс. А все таки . . . Минна, голубушка, сходите узнайте, будто пріѣхалъ кто. Этотъ колоколъ всю душу вымотаетъ. Все кажется словно идетъ кто или ѣдетъ. Слышите? (Вой мятели, звукъ колокола.)

Житовъ. Эти мартовскія бури всегда самыя свирѣпыя. Внизу весна, а у насъ зима настоящая. Миндаль уже отцвѣлъ, пожалуй.

Минна. Никого нѣтъ.

Инна Алекс. Что тамъ дѣлается! Что тамъ дѣлается! Главное, я за Коленьку боюсь. Вѣдь онъ такой, онъ ни на что не смотритъ: ружья не ружья, пушки не пушки. Господи! я и подумать объ этомъ не могу! Хоть бы вѣсточка какая, а то четыре дня какъ въ могилѣ.

Житовъ. Ну обойдется, скоро все узнаете. Барометръ поднимается.

Инна Алекс. А главное, будь бы за свое дѣло дрался. А то и люди чужіе и страна чужая — ну какое ему дѣло!

Петя (горячо). Николай — рыцарь. Онъ за всѣхъ угнетенныхъ, кто бы они ни были. Всѣ люди одинаковы, и чья бы страна ни была, все равно.

Лунцъ. Чужiе! Страна, государство — не понимаю я этого. Что значитъ чужiе, государство! Вотъ это раздѣленiе и создаетъ рабовъ, потому что когда въ одномъ домѣ грабятъ, то въ другомъ сидятъ спокойно, когда въ одномъ домѣ убиваютъ, то въ другомъ говорятъ: это насъ не касается. Свои! Чужiе! Я вотъ еврей, у меня своей страны нѣтъ — такъ значитъ я всѣмъ чужой? Нѣтъ, я всѣмъ свой, да! (Ходитъ.) Да!

Петя. Конечно. Это узость — разбивать землю на какiе-то участки.

Лунцъ (ходитъ). Да. Только и слышишь: свои, чужiе! Негры, жиды!

Инна Алекс. Ну, вы опять на свое повернули. Какъ не стыдно! Развѣ я что нибудь говорю? Развѣ я говорю, что Коленька плохо дѣлаетъ. Сама жъ я его посылала: поѣзжай, голубчикъ, поскорѣе, а то здѣсь еще больше ты измучаешься. Господи, Коля то, да нехорошо — я о томъ, что сердце у меня изболѣлось. Вѣдь я недѣлю въ такой мукѣ живу, въ такой мукѣ . . . Вы ночь то спите, а я глазъ не смыкаю, все слушаю, слушаю: вьюга, да колоколъ, колоколъ, да вьюга. Плачетъ, хоронитъ кого-то — нѣтъ, не увижу я Колюшки! (Вьюга, колоколъ.)

Петя (ласково). Ну успокойся, мамочка, все обойдется. Онъ не одинъ тамъ, — почему непремѣнно съ нимъ что-нибудь случится! Успокойся.

Житовъ. Не говоря уже о томъ, что съ нимъ Маруся и Анна Сергѣевна съ мужемъ. Все таки поберегутъ. Да и такъ, вы знаете, какъ его любятъ всѣ — у него теперь свита, какъ у генерала, даромъ пропасть не дадутъ.

Инна Алекс. Знаю, знаю, да что подѣлаешь! Но только про Марусю вы мнѣ не говорите. Анна женщина благоразумная, а Маруся — та сама впередъ полѣзетъ. Знаю ее.

Петя. А ты чего, мама, хотѣла бы? Чтобъ Маруся пряталась?

Инна Алекс. Опять. Да деритесь себѣ сколько хотите, развѣ я что говорю? Только не успокаивайте меня: сама знаю, что знаю, не маленькая. Какъ помоложе была, сама съ волками дралась. Вотъ что!

Житовъ. Съ волками? Вотъ вы какая — не ожидалъ. Какъ же это вы такъ?

Инна Алекс. Да пустяки. Разъ ночью зимой ѣхала одна на лошади, на меня и напали. Отстрѣлялась. А меня они и дразнятъ до сихъ поръ.

Житовъ. А вы и стрѣлять умѣете?

Инна Алекс. Чему, Василій Васильевичъ, при такой жизни не научишься. Я съ Сергѣемъ Николаевичемъ въ Туркестанъ ѣздила на экспедицію, такъ полторы тысячи верстъ верхомъ сдѣлала, по мужски. Мало ли бывало! Тонула разъ, два раза горѣла . . . (Тихо.) Только скажу вамъ, Василій Васильевичъ, — нѣтъ ничего страшнѣй въ мірѣ, какъ болѣзнь дѣтей. Разъ тоже въ экспедиціи, у Колюшки жаба открылась, но показалось намъ сначала, что это дифтеритъ. Что это было! Ни доктора, ни лѣкарствъ; до ближняго жилья верстъ 50, а то и больше. Выбѣжала я изъ палатки, да какъ брякнулась о землю . . . вспомнить страшно. Вѣдь у меня двое дѣтей умерло, вы знаете. Одинъ на седьмомъ году, Сереженька, другой еще груднымъ. Анюта разъ при смерти была, да что вспоминать . . . Тяжелая наша материнская доля, Василій Васильевичъ! Благодареніе еще Богу, что дѣти хорошіе вышли.

Житовъ. Да, Николай Сергѣевичъ у васъ удивительный человѣкъ.

Инна Алекс. Коля то! Сколько я перевидала людей, а такой души еще не встрѣчала. Вотъ говорила я — чужое дѣло, сразу видно, что эгоистка, а Коля: если увидитъ онъ, что левъ разоряетъ муравьиную кучу,

такъ онъ — одинъ съ голыми руками на льва пойдетъ. Вотъ онъ какой! Что-то тамъ дѣлается! Что-то дѣлается!

Житовъ. Если бы мнѣ не такъ хотѣлось въ Австралію . . .

Поллакъ (входитъ). У васъ не найдется, уважаемая Инна Александровна, чашки чернаго кофе?

Инна Алекс. Какъ же не найдется! Найдется! Минна! (Идетъ.)

Житовъ. Ну, какъ дѣла, коллега?

Поллакъ. Хорошо. А вы что же ничего не дѣлаете?

Житовъ. Погода. Какая тутъ работа! Да и событія такія.

Поллакъ. А не русская лѣнь?

Житовъ. Можетъ быть и лѣнь. Кто знаетъ?

Поллакъ. Не хорошо, дорогой товарищъ. Лунцъ, вы произвели вычисленія, которыя поручилъ вамъ Сергѣй Николаевичъ?

Лунцъ (рѣзко). Нѣтъ.

Поллакъ. Напрасно.

Лунцъ. Напрасно, не напрасно, это васъ не касается. Вы такой же ассистентъ, какъ и я, и не имѣете права дѣлать мнѣ замѣчанія. Да.

Поллакъ (отворачивается пожимая плечами). Скажите, Житовъ, чтобы кофе мнѣ подали туда.

Житовъ. Ладно. А надъ чѣмъ сейчасъ работаетъ Сергѣй Николаевичъ? Я какъ-то отошелъ отъ дѣла за это время.

Поллакъ. О, у него такая работа! Я самъ могу много работать, но я удивляюсь настойчивости Сергѣя Николаевича, силѣ его мозга. Это изумительный мозгъ. Треніе, это возмутительное треніе, отсутствуетъ въ немъ какъ въ нашихъ инструментахъ. И работаетъ онъ съ правильностью часового механизма: я убѣжденъ, что

въ его вычисленіяхъ за 30 лѣтъ нельзя найти ни одной ошибки.

Лунцъ (прислушиваясь). Онъ не только работникъ, онъ талантъ.

Поллакъ. Совершенно вѣрно. У него числа и цифры живыя и движутся какъ солдаты.

Лунцъ. Вы все сводите къ дисциплинѣ. Какая юнкерская поэзія!

Поллакъ. Безъ дисциплины нѣтъ побѣды, дорогой Лунцъ.

Житовъ. Вѣрно!

Лунцъ. Я о немъ думаю лучше, чѣмъ вы. Я думаю, что онъ видитъ вѣчность, видитъ, какъ мы вотъ эти стѣны. Да!

Поллакъ. Я не возражаю. У васъ нѣтъ свѣдѣній, кончилась эта революція или нѣтъ?

Житовъ. Какія тутъ свѣдѣнія! Слышите, что на дворѣ дѣлается?

Поллакъ. Я упустилъ это обстоятельство изъ виду.

Петя. По послѣднимъ газетамъ . . .

Поллакъ. Нѣтъ, нѣтъ. Вы мнѣ скажете, когда все это кончится. Я не хочу входить въ подробности.

Инна Алекс. (входитъ). Нѣтъ, никого. Выходила сама посмотрѣть — пустыня.

Поллакъ. Такъ я попрошу васъ, уважаемая Инна Александровна, дать мнѣ кофе туда.

Инна Алекс. Хорошо, хорошо, работайте. Сейчасъ работа — это прямо счастье. (Поллакъ уходитъ.)

Петя. А я думаю, что бываютъ минуты, когда работать надъ чѣмъ нибудь не честно.

Инна Алекс. Петя, Петя!

Петя. Я не могу! Отчего вы не пускаете меня туда? Я тутъ съ ума схожу, въ этой дырѣ!

Инна Алекс. Петечка, голубчикъ, вѣдь тебѣ 18 лѣтъ еще нѣту.

Петя. Николай въ 19 лѣтъ въ тюрьмѣ уже сидѣлъ!

Инна Алекс. Ну, что же тутъ хорошаго.

Петя. Онъ работалъ!

Инна Алекс. Ахъ, Господи, ну поговори съ отцомъ; какъ онъ скажетъ, такъ и будетъ.

Петя. Онъ говоритъ: ступай.

Житовъ. Зачѣмъ же дѣло стало?

Петя. Я не знаю, я не могу. Тамъ такая великая борьба, а я . . . Я не могу, я не могу! (Уходитъ.)

Лунцъ. Петя опять нервничаетъ. Вы, Инна Александровна, занялись бы имъ. (Идетъ вслѣдъ за Петей.)

Инна Алекс. Ну что же я подѣлаю? Боже мой, Боже мой!

Житовъ. Ничего, пройдетъ.

Инна Алекс. Нѣжный онъ такой, совсѣмъ какъ дѣвочка, ну куда ему! И что съ нимъ въ эти дни сдѣлалось! А тутъ еще этотъ Лунцъ: нужно бы успокоить, а онъ . . .

Житовъ. Ну у Лунца у самого, того и гляди, истерика сдѣлается.

Инна Алекс. Вижу ужъ. Спасибо вы, Василій Васильевичъ, еще спокойны, а то хоть ложись въ гробъ, да умирай.

Житовъ. Ну, я то что. Я всегда спокоенъ, у меня ужъ характеръ такой. Иной разъ и радъ бы поволноваться, да не выходитъ.

Инна Алекс. Хорошій характеръ.

Житовъ. Не знаю. Удобный, конечно, характеръ. Жаль вотъ только, что газетъ нѣту — люблю почитать, какъ люди тамъ волнуются.

Инна Алекс. А вы знаете, что у Лунца четыре года назадъ, когда онъ тутъ, за границей еще студентомъ былъ, родителей убили? Во время еврейскаго погрома.

Житовъ. Знаю, слыхалъ.

Инна Алекс. Онъ самъ объ этомъ никогда не говоритъ, не выноситъ. Несчастный молодой человѣкъ, я иногда на него безъ слезъ смотрѣть не могу. Опять стучитъ?

Житовъ. Нѣтъ.

Инна Алекс. Въ третьемъ году въ такую погоду разносчикъ къ намъ попалъ. Чуть живой, а оттаялъ — сейчасъ же торговать началъ.

Житовъ. Вотъ и я разносчикомъ въ Австралію пойду.

Инна Алекс. Да вѣдь вы англійскаго не знаете.

Житовъ. Немного знаю. Въ Калифорніи научился.

Инна Алекс. Ну, а я все таки газеты почитаю. Ни о чемъ другомъ думать не могу. И вы бы почитали что нибудь, Василій Васильевичъ.

Житовъ. Не хочется. Я у камина посижу.

(Инна Александровна надѣваетъ очки и разбираетъ газеты, Житовъ садится у камина, Поллакъ работаетъ. Вьюга. Колоколъ.)

Инна Алекс. Что-то мой Сергѣй Николаевичъ? Я ужъ его два дня не видала: и пьетъ и ѣстъ тамъ. И входить не велѣлъ.

Житовъ. М-да. (Пауза.)

Инна Алекс. (читаетъ). Какіе ужасы! Что это такое пулеметы, Василій Васильевичъ?

Житовъ. Это такая пушка особенная. (Пауза. Минна проноситъ Поллаку кофе.)

Инна Алекс. Взяла бы я сама пулеметъ, да ихъ бы . . .

Житовъ. М-да. Штука серьезная. (Пауза.)

Инна Алекс. Какъ воетъ. Читать нельзя. А мнѣ васъ жалко будетъ Василій Васильевичъ, если вы въ Австралію уѣдете. Не ѣздите, а?

Житовъ. Невозможно. Непосѣдливый я человѣкъ. Мнѣ бы, Инна Александровна, хотѣлось всю землю

кругомъ ощупать — какая она. Изъ Австраліи я въ Индію поѣду, я еще тигровъ на свободѣ не видалъ.

Инна Алекс. А зачѣмъ они вамъ понадобились?

Житовъ. Не знаю. Я, Инна Александровна, смотрѣть люблю. Какъ все это вообще. У насъ въ деревнѣ бугоръ былъ, такъ я мальчишкой еще по цѣлымъ днямъ сидѣлъ, смотрѣлъ все. Я и астрономіей то занялся, чтобъ смотрѣть. А вычислять не люблю — не все ли равно 20 милліоновъ миль или 30. И разговаривать я тоже не люблю.

Инна Алекс. Ну, ну не буду. Смотрите себѣ. (Пауза. Вьюга. Колоколъ.)

Житовъ (не оборачиваясь). А вы и въ Канаду съ Сергѣемъ Николаевичемъ поѣдете? На затмѣніе?

Инна Алекс. А? Въ Канаду? Поѣду. Какъ же онъ безъ меня?

Житовъ. Тяжело будетъ. Далеко.

Инна Алекс. Пустяки. Только бы тутъ все обошлось. Господи, Господи, подумать страшно! (Молчаніе. Вьюга. Колоколъ.)

Инна Алекс. Василій Васильевичъ!

Житовъ. Что?

Инна Алекс. Вы слышите?

Житовъ. Нѣтъ.

Инна Алекс. Опять что-то показалось. (Пауза.) Василій Васильевичъ, вы слышите?

Житовъ. Ну?

Инна Алекс. Выстрѣлъ былъ.

Житовъ. Откуда тутъ выстрѣлъ! Просто галлюцинація слуха.

Инна Алекс. А я такъ ясно слышала. (Пауза. Далекій выстрѣлъ.)

Житовъ. Эге! Стрѣляютъ!

Инна Алекс. (бѣжитъ). Минна, Минна! Францъ!

(Житовъ медленно поднимается. Второй выстрѣлъ, ближе. Быстро проходятъ Петя и Лунцъ.)

Петя. Что это?

Лунцъ. Не знаю. Идемъ!

(Житовъ слушаетъ у окна. Поллакъ поворачиваетъ голову, смотритъ на пустую комнату и снова работаетъ. Гдѣ-то хлопаетъ дверь, собачій лай.)

Инна Алекс. (входитъ). Послала людей съ Вулканомъ. Вѣроятно кто нибудь заблудился.

Житовъ. А колоколъ?

Инна Алекс. Вѣтеръ оттуда. Вы слышали, какъ ясны выстрѣлы.

Поллакъ (входитъ). Я ничѣмъ не могу быть полезенъ?

Инна Алекс. Пока нѣтъ. Нужно приготовить горячаго.

(Хлопаетъ снова дверь. Слышенъ говоръ. Въ сопровожденіи всѣхъ входятъ закутанные и запорошенные снѣгомъ Анна и Трейчъ и вносятъ Верховцева.)

Инна Алекс. (на порогѣ). Что это? Анна?

Анна (снимая платокъ). Мама, поскорѣе чего нибудь горячаго. Мы чуть живы. Я боюсь, что Валентинъ отморозилъ себѣ что нибудь. Скорѣе! (Въ полуобморочномъ состояніи падаетъ на стулъ.)

Инна Алекс. (быстро подходитъ къ принесенному). Валентинъ! Что такое?

Трейчъ. Онъ раненъ.

Верховцевъ (слабо). Не . . . безпокойтесь, теща, не важно . . . ноги . . .

Инна Алекс. А это кто?

Трейчъ. Другъ.

Инна Алекс. (осматривается съ дикимъ ужасомъ вокругъ). А Коля? (Пауза. Петя со слезами бросается къ Иннѣ Александровнѣ.)

Петя. Мамочка, мамочка! Это ничего, ты не пугайся, это ничего.

Инна Алекс. (слегка отстраняя его, болѣе спокойно). А Коля гдѣ?

Анна (приходя въ себя и начиная хлопотать около раненаго). Ахъ мама. Да ничего особеннаго. Онъ въ тюрьмѣ.

Лунцъ. Значитъ? Постойте, погодите, я ничего не понимаю. Значитъ? . . .

Инна Алекс. Въ тюрьмѣ. Въ какой тюрьмѣ?

Анна. Ну, Господи, какъ этого не понять. Мы бѣжали, вотъ и все, и хотимъ укрыться здѣсь.

Поллакъ. Революція кончилась?

Лунцъ. Но я не понимаю. Неужели? . . .

Трейчъ. Да. Мы разбиты. (Пауза.)

Анна. Мама, да распорядись же относительно горячаго. Воды, коньяку . . . Вата у васъ есть?

Инна Алекс. Сейчасъ все будетъ. Минна! (Идетъ.) Въ тюрьмѣ! . . .

Житовъ. А нужно бы позвать Сергѣя Николаевича.

Инна Алекс. Я пошлю за нимъ.

Поллакъ. Разскажите, пожалуйста, какъ это случилось . . . Господинъ . . .

Трейчъ. Трейчъ.

Верховцевъ (слабо). Безъ Трейча . . . я бы подохъ. Анна, да не суетись ты такъ, я чувствую себя великолѣпно.

Анна. Какъ мы дошли, я не понимаю! Это такой ужасъ. Мы сегодня съ восьми часовъ въ горахъ. Цѣлый день. Насъ чуть не схватили на границѣ.

Лунцъ. Я не могу повѣрить . . .

Петя. Валя, что у тебя? Тебѣ больно?

Верховцевъ. Ноги ободраны . . . осколкомъ и . . . голова . . . немного. Вздоръ.

Лунцъ. Въ васъ посылали бомбы?

Верховцевъ. Буржуа . . . защищался . . . недурно.

Анна. Валентинъ, тебѣ нельзя говорить. Какой это былъ ужасъ, какой это былъ ужасъ! Бомбы рвали

на клочки, убитыхъ тысячи — десятки тысячъ. У ратуши я видѣла гору труповъ!

Инна Алекс. (подходитъ). А Коля? Разскажите мнѣ, про Колю.

Анна. Въ сущности, неизвѣстно гдѣ онъ.

Инна Алекс. Что? Ты же сказала? . . .

Петя. И Маруси нѣтъ! Вы что-то скрываете. А вотъ вы говорили Лунцъ? . . .

Лунцъ. Петя, Петя! Да развѣ я думалъ! Я не могу повѣрить . . .

Анна. Очень нужно скрывать.

Трейчъ. Успокойтесь, госпожа Терновская. Я убѣжденъ, что Николай живъ.

Анна. Вонъ Трейчъ разскажетъ. Онъ былъ рядомъ съ Колей на баррикадѣ.

Трейчъ. Въ послѣднiй моментъ, когда баррикада была почти въ рукахъ войскъ, Николая ранили. Онъ стоялъ рядомъ со мной и я видѣлъ, какъ онъ упалъ.

Инна Алекс. Господи! Опасно? Можетъ быть убитъ? Да говорите же!

Трейчъ. Не думаю, чтобы опасно.

Францъ. Г. Профессоръ приказали сказать, что сейчасъ придутъ.

Анна. Конечно, чего торопиться!

Инна Алекс. Ну-ну! Да говорите же!

Трейчъ. Кажется пулевая или картечная рана въ плечо. Вначалѣ онъ былъ въ сознанiи, но потомъ впалъ въ безпамятство. Я донесъ его до переулка, но здѣсь встрѣтился отрядъ драгунъ. Долго я бороться не могъ, тѣмъ болѣе, что я подвергалъ его опасности разстрѣла, и я оставилъ тѣло имъ, а самъ вернулся къ нашимъ. Теперь, вѣроятно, онъ въ тюрьмѣ.

Инна Алекс. (плачетъ). Колюшка, Колюшка! А мы то сидимъ и ничего не знаемъ. Чуяло мое сердце, чуяло. Ну, не опасно онъ, скажите? А?

Трейчъ. Не думаю.

Петя. А Маруся? Отчего вы ничего не скажете про Марусю. Она убита?

Анна. Да нѣтъ! Валя, хочешь воды съ коньякомъ?

Трейчъ. Мы видѣли ее не одну минуту. Она осталась, чтобы розыскать товарища Николая.

Инна Алекс. Ахъ, Маруська! Молодецъ, ей Богу. Такъ и надо, такъ и надо. Вотъ скажите, вотъ — какая дѣвушка! Какъ васъ, Трейчъ, хотите коньяку, на васъ лица нѣтъ. Выпейте, голубчикъ. Я бы васъ поцѣловала, да знаю, что вашъ братъ этого не любитъ.

Трейчъ. Сочту за особенную честь. (Цѣлуются.)

Инна Алекс. Ахъ, ты Маруська, Маруська! И этотъ тоже . . . Минна! (Выходитъ.)

Лунцъ (почти въ безуміи). Значитъ напрасно?

Поллакъ. Повидимому.

Лунцъ. Значитъ напрасно вся эта кровь, эти тысячи жертвъ, эта безпримѣрная борьба, эта . . . эта . . . Проклятые! Зачѣмъ я былъ здѣсь? Зачѣмъ я не легъ тамъ, съ моими братьями?

Верховцевъ. Какъ же . . . вы хотите, чтобы . . . буржуа . . . сразу отдалъ . . . свое владычество надъ землей? . . . Буржуа . . . не дуракъ. И лечь еще успѣете.

Трейчъ. Борьба не кончена.

Поллакъ. Вы рабочій, г. Трейчъ?

Трейчъ. Рабочій. Кстати: я не сказалъ г-жѣ Терновской, такъ какъ не хотѣлъ тревожить ее напрасно, что Николай, быть можетъ, разстрѣлянъ.

Петя. Разстрѣлянъ!

Трейчъ. Уже по дорогѣ сюда я слыхалъ, что они разстрѣливаютъ всѣхъ плѣнныхъ безъ суда. И раненыхъ также.

Петя (вздрагиваетъ и закрываетъ лицо руками). Какой ужасъ!

Лунцъ. Звѣри! Они всегда питались человѣческой кровью. Они сыты ею по горло.

Верховцевъ. Да . . . они никогда не были . . . вегета . . . ріанцами.

Лунцъ. Какъ можете вы шутить!

Анна. Валя, вѣдь тебѣ же нельзя говорить.

Верховцевъ. Это ободранныя . . . ноги приводятъ меня въ такое . . . настроеніе. Я замолчу Анна, я усталъ. Мнѣ только . . . интересно взглянуть . . . на физіономію звѣздочета.

Трейчъ. Тише. (Входитъ Инна Алекс.) Они ссорятся и мы, конечно, не можемъ предписывать имъ правилъ борьбы.

Житовъ. А вотъ и Сергѣй Николаевичъ. (На верху лѣстницы показывается Сергѣй Николаевичъ и на ходу говоритъ.)

Сергѣй Никол. Что это? Гдѣ Николай?

Инна Алекс. Не пугайся, отецъ. Онъ раненъ, въ тюрьмѣ.

Сергѣй Никол. (останавливаясь, сверху). Развѣ тамъ еще убиваютъ? Развѣ тамъ еще есть тюрьмы?

Верховцевъ (злобно). Съ неба . . . свалился!

ЗАНАВѢСЪ.

Дѣйствіе второе.

Весеннее ясное утро въ горахъ; небо безоблачно; все залито солнцемъ. Справа въ глубинѣ уголъ зданія обсерваторіи съ уходящей вверхъ башней; середина — дворъ, по которому проложены асфальтовыя дорожки, какъ въ монастыряхъ; дворъ неровный, опускается внизъ къ задней сторонѣ сцены, гдѣ низкій каменный заборъ и ворота. За нимъ цѣпь горъ, но не выше той, на которой расположена обсерваторія. Слѣва и ближе къ авансценѣ уголъ дома съ каменной верандой надъ обрывомъ. Полное отсутствіе растительности. Со времени перваго дѣйствія прошло три недѣли. Верховцевъ въ креслѣ на колесахъ; его возитъ взадъ и впередъ Анна. Житовъ сидитъ у стѣны — грѣется на солнцѣ. Всѣ одѣты по весеннему, кромѣ Житова, который въ одномъ пиджакѣ.

Житовъ (сидитъ). А то дали бы мнѣ, Анна Сергѣевна, я бы повозилъ.

Анна. Нѣтъ ужъ сидите, никого не люблю утруждать. Тебѣ хорошо, Валя?

Верховцевъ. Хорошо — только за какимъ чертомъ вертимся мы здѣсь, какъ крысы въ крысоловкѣ. Поставь меня рядомъ съ Житовымъ, я тоже хочу запастись энергіей отъ солнца. Такъ, хорошо. Пріятно!

Анна. Отчего вы не работаете, Житовъ?

Житовъ. Погода такая. Я, какъ взыграетъ весеннее солнце, такъ ужъ не могу въ комнатахъ сидѣть. Вотъ погрѣюсь, погрѣюсь да и . . .

Верховцевъ. Житовъ, а вы не турокъ?

Житовъ. Нѣтъ.

Верховцевъ. А къ вамъ бы шло: сѣсть этакъ, да на пупокъ смотрѣть или какъ тамъ.

Житовъ. Нѣтъ, я не турокъ.

Верховцевъ. А я васъ понимаю: пріятно на солнышкѣ. Жалко Николу: ему этого удовольствія не получить. Я знаю эту Штернбергскую тюрьму, въ нее не только солнце не заглядываетъ, въ ней неба то не видно. Я въ ней только мѣсяцъ просидѣлъ, такъ и то въ какой-то сплошной компрессъ превратился отъ сырости. Мерзость!

Анна. Хорошо, что хоть живъ. Я была убѣждена, что его разстрѣляли.

Верховцевъ. Погоди, за этимъ еще дѣло не станетъ. Нужно бы разбудить Маруську, узнать все поскорѣе.

Житовъ. Она поздно пріѣхала.

Верховцевъ. Слыхалъ. Весь домъ пѣньемъ разбудила. Я даже удивился, кто можетъ пѣть въ этомъ мавзолеѣ. Подумалъ, ужъ не Поллакъ ли новую звѣзду открылъ.

Житовъ. Разъ поетъ, значитъ все хорошо.

Анна. Я не понимаю этого: пѣть, когда всѣ спятъ.

Инна Алекс. (показывается на верандѣ). А Лунцъ не приходилъ?

Анна. Нѣтъ.

Инна Алекс. Господи, что же это! Его Сергѣй Николаевичъ спрашиваетъ — ну что я скажу? Разбрелись всѣ, какъ овцы, одинъ Поллакъ работаетъ. А Марусечка-то вчера — запѣла! Какъ я услышала — духъ захватило . . . ну, думаю . . .

Верховцевъ. Разбудите-ка ее, теща.

Инна Алекс. Ни-ни. И не думай. Пусть хоть до вечера спитъ.

Верховцевъ. Ну Штольца этого.

Инна Алекс. И Штольца не стану будить. Человѣкъ съ дороги, такую радость привезъ, а я ему по-

спать не дамъ! Вотъ вы этого Лунца пришлите, когда вернется. (Идетъ и у двери останавливается.) Солнышко то грѣетъ, — Василій Васильевичъ! Какъ у насъ. Я нынче утромъ въ ящикъ земли насыпала, да редиску посѣяла. Пусть растетъ, кое-кому пригодится! (Уходитъ.)

Верховцевъ. Энергичная старушка. Редиска, х-мъ! (Пауза.)

Анна. Вы думаете о чемъ нибудь, Житовъ, когда вотъ такъ уставитесь?

Житовъ. Нѣтъ. Зачѣмъ думать? Я такъ смотрю.

Верховцевъ. Врете вы. Какъ можно не думать — ну если не думаете, такъ вспоминаете что нибудь.

Житовъ. У меня воспоминаніи не бываетъ. А впрочемъ . . . Хорошо въ Нью-Іоркѣ было: жилъ я въ гостинницѣ на самой шумной ихней улицѣ, и балконъ у меня былъ . . .

Верховцевъ. Ну?

Житовъ. Такъ вотъ: хорошо очень было. Сидишь и смотришь: какъ это они тамъ ходятъ, ѣздятъ. Воздушная дорога. Интересно.

Анна. У американцевъ высокая культура.

Житовъ. Нѣтъ, я не объ этомъ. А такъ интересно очень. (Пауза.) А, правда, гдѣ Лунцъ?

Анна. Вчера еще съ вечера съ Трейчемъ ушелъ въ горы.

Верховцевъ. На изслѣдованія.

Житовъ. Изслѣдованія?

Верховцевъ. Трейчъ всегда что нибудь изслѣдуетъ. Онъ уже навѣрное изслѣдовалъ вашъ храмъ Ураніи и рѣшилъ, что онъ можетъ быть превосходнымъ складомъ для оружія. Теперь онъ изслѣдуетъ горы: вѣроятно ищетъ мѣста для оружейнаго завода.

Анна. Трейчъ — фантазеръ.

Верховцевъ. Ну, не совсѣмъ. Въ его фантазіяхъ есть странная черта. При своемъ иногда явномъ безуміи онѣ какъ то осуществляются. Вообще любопытный

малый. Говоритъ мало, а пропагандировать никто такъ не умѣетъ, какъ онъ. Выражаясь нашимъ астрономическимъ языкомъ — онъ луну заставитъ разгорѣться, какъ солнце. Откуда его Николай вытащилъ, не знаю.

Петя (входитъ). Добрый день.

Верховцевъ. Что это ты, Пѣтушокъ, такой хмурый?

Петя. Такъ.

Анна. Ты знаешь, что Николай въ тюрьмѣ?

Петя. Знаю, мнѣ мама говорила.

Анна. Я не понимаю, отчего ты киснешь. Точно уксусу напился — противно смотрѣть.

Петя. И не смотри.

Житовъ. Петя, поѣдемте со мной въ Австралію.

Петя. Зачѣмъ?

Анна. Ты, какъ маленькія дѣти, все зачѣмъ, зачѣмъ. Его вчера въ горы зовутъ, а онъ „зачѣмъ"? А зачѣмъ ты ѣшь?

Петя. Не знаю. Отстань отъ меня, Анна.

Верховцевъ. Не могу сказать, чтобы ты былъ чрезмѣрно вѣжливъ, мой другъ. А вотъ и ваши! (Показываются забрызганные грязью Трейчъ и Лунцъ.) Лунцъ, васъ звѣздочетъ спрашивалъ. Держитесь, влетитъ вамъ теперь.

Лунцъ. А, ну его къ . . . Виноватъ, Анна Сергѣевна.

Анна. Можете. Я не изъ нѣжныхъ дочерей и присоединяюсь къ вашему пожеланію.

Петя. Какъ это пошло.

Верховцевъ. Ну, какъ погуляли, Трейчъ? Нашли что нибудь?

Трейчъ. Мѣстность хорошая.

Анна. А вы знаете, что Маруся ночью пріѣхала?

Трейчъ (дѣлая шагъ впередъ). Ну? Николай? Николай?

Верховцевъ. Разстрѣлянъ. Повѣшенъ. Колесованъ.

Анна. Да нѣтъ — живъ, живъ! (За окномъ музыка и пѣніе Маруси.)

Маруся. „Сижу за рѣшеткой въ темницѣ сырой — вскормленный на волѣ орелъ молодой . . .“

Трейчъ. Онъ въ тюрьмѣ? Спасенъ!

Маруся. „Мой грустный товарищъ махая крыломъ — кровавую пищу клюетъ подъ окномъ . . .“

Верховцевъ (поетъ). „Клюетъ — и бросаетъ и смотритъ въ окно — какъ будто со мною задумалъ одно. — Зоветъ меня взглядомъ и крикомъ своимъ — и вымолвить хочетъ: давай улетимъ.“

Маруся (выходитъ, страстно). „Мы вольныя птицы! Пора, братъ, пора — туда, гдѣ за тучей бѣлѣетъ гора — туда, гдѣ синѣютъ морскіе края, — туда, гдѣ гуляетъ — лишь вѣтеръ, да я!“

Трейчъ. Маруся!

Анна. Какой неумѣстный концертъ!

Инна Алекс. (идетъ сзади, утирая глаза). Орлятки вы мои! . . .

Верховцевъ. Вы, теща, произносите это совершенно такъ же, какъ: цыплятки вы мои . . .

Инна Алекс. Да и цыплятки: вонъ ты какъ ощипанъ, хоть сейчасъ въ супъ.

Маруся. Анна, здравствуйте! (Трейчу.) Вамъ — поцѣлуй.

Трейчъ (быстро закрываетъ рукой глаза и тотчасъ отнимаетъ руку). Я счастливъ.

Маруся. И всѣмъ, и всѣмъ. Тебѣ, инвалидъ, тоже.

Верховцевъ. Да ты видѣла его?

Маруся. Давай улетимъ!

Лунцъ. Это даже нехорошо. Всѣ такъ хотятъ знать . . .

Маруся. И видѣла и все. Да — вотъ этотъ господинъ — это Штольцъ, позвольте представить. Это

удивительный господинъ. Пока онъ такъ, служитъ въ банкѣ, но со временемъ окажетъ массу услугъ для революціи. Онъ страшно похожъ на шпіона и онъ такъ помогъ мнѣ . . . Кланяйтесь Штольцъ.

Штольцъ. Я очень радъ. Добрый день.

Маруся. Петя, милый мальчикъ, отчего ты такой грустный?

Верховцевъ. Это Маруся, выражаясь скромно — свинство.

Маруся. Ну-ну, калѣка, не сердись. Развѣ можно сегодня сердиться? Ну, онъ въ Штернбергской тюрьмѣ.

Голоса. Знаемъ. Знаемъ.

Маруся. Ну — и хотѣли его разстрѣлять.

Инна Алекс. Господи — Колю-то!

Маруся. Успокойтесь, мамочка, ничего этого не будетъ. А я — графиня Морицъ. Родовитая ужасно, но только родовыя помѣстья мои тамъ. (Обводитъ рукой по воздуху.) А они злы, но страшно глупы.

Верховцевъ. Да. Есть таки.

Маруся. Труднѣе всего было узнать, гдѣ онъ. Они скрываютъ имена захваченныхъ, чтобы имѣть возможность тихонько — безъ суда, — расправиться съ ними. Но тутъ помогъ мнѣ Штольцъ. Штольцъ кланяйтесь.

(Входитъ Сергѣй Николаевичъ. Онъ въ потертомъ пальто и маленькой мѣховой шапочкѣ; всѣ привѣтствуютъ его почтительно, но холодно.)

Инна Алекс. Отецъ, ты послушай, что Маруся разсказываетъ. Они его разстрѣлять хотѣли!

Маруся. Такъ вотъ. Долго разсказывать. Однимъ словомъ, я грозила, умоляла, ссылалась на общественное мнѣніе Европы, на ученый авторитетъ его отца — и расправа отложена. И я была въ тюрьмѣ . . .

Верховцевъ. Ну, какъ онъ?

Маруся (затуманиваясь). Онъ . . . немного грустенъ, но это пройдетъ конечно.

Инна Алекс. А рана?

Маруся. Это пустяки. Уже зарубцевалась, онъ такой вѣдь крѣпкій. Но что эта за камера: это подвалъ, погребъ, болото — я не знаю, какъ назвать.

Верховцевъ. Знаю, сиживалъ.

Маруся. Но я подняла такой шумъ, что его обѣщали перевести въ лучшую. Вамъ, Сергѣй Николаевичъ, онъ крѣпко жметъ руку, желаетъ успѣха въ работѣ, и вообще очень интересуется, какъ у васъ . . .

Анна. Въ такомъ положеніи — и думать о пустякахъ.

Сергѣй Никол. Милый мальчикъ! Я очень благодаренъ ему.

Анна. Какъ великодушно!

Лунцъ. Но какъ же вы то сами? Какъ васъ не схватили?

Маруся. Меня и схватили солдаты — въ тотъ день. Но я такъ плакала, я такъ безумно рыдала о больной бабушкѣ, которая ждетъ меня изъ магазина — что меня отпустили. Одинъ, правда, слегка ударилъ прикладомъ . . .

Лунцъ. Какая гнусность.

Маруся. А у меня подъ юбкой знамя было. Наше знамя.

Верховцевъ. Оно цѣло?

Маруся. Я приколола его англійскими булавками — но какое оно тяжелое! Я привезла его сюда. Въ этотъ разъ оно замѣняло Штольцу фуфайку. Вообще, если-бы Штольцъ не былъ такого маленькаго роста . . .

Верховцевъ. Онъ былъ бы большого. Отчего ты не принесла его сюда. Взглянулъ бы . . . Наше знамя! Чертъ возьми, а?

Маруся. Нѣтъ, я разверну его, когда мы снова пойдемъ въ битву. Трейчъ, вы знаете, кто предалъ насъ?

Трейчъ. Знаю.

Штольцъ. Измѣнниковъ и предателей нужно карать смертью. (Маруся смѣется. Трейчъ слегка улыбается.)

Верховцевъ. Какой вы однако кровожадный, г. Штольцъ.

Штольцъ. Можно убивать электричествомъ, тогда безъ крови.

Инна Алекс. Ну, а Колюшка то!

Маруся. Николай? Ну слушайте. Здѣсь нѣтъ никого? Прислуга у васъ? . . . Ну хорошо. Такъ вотъ— бѣжать.

Трейчъ. Я поѣду съ вами.

Маруся. Нѣтъ, Трейчъ. Коля велѣлъ вамъ оставаться здѣсь. Вы знаете, какъ васъ ищутъ.

Трейчъ. Это не имѣетъ значенія.

Маруся. Да и не нужно: я уже все устроила, все готово, а вы здѣсь, Трейчъ на границѣ, займетесь кое чѣмъ. Нужны только деньги — много денегъ; вмѣстѣ съ Колей бѣгутъ одинъ солдатъ и смотритель. И конечно, онъ пріѣдетъ сюда — это само собой. И я сегодня же ѣду — нельзя терять ни минуты.

Верховцевъ. Ловко, Маруся!

Маруся. Голубчикъ, я такъ счастлива!

Инна Алекс. (смотритъ на Сергѣя Николаевича). Деньги?

Сергѣй Никол. (смотритъ на Инну Александровну). А у насъ есть деньги? Инна, ты завѣдуешь этимъ дѣломъ.

Инна Алекс. (смущенно). Только тѣ три тысячи. . .

Маруся. А нужно пять.

Инна Алекс. Да и тѣ . . . (Смотритъ на Сергѣя Николаевича, тотъ молча киваетъ головой; радостно.) Ну вотъ 3 тысячи и есть. Слава Богу!

Житовъ (конфузясь). Можно собрать. Вотъ у меня есть 200 рублей.

Лунцъ. Поллакъ богатый человѣкъ. Очень богатый.

Анна. Непріятно къ нему обращаться. Онъ такой сухарь.

Верховцевъ. Пустое. Вотъ такихъ и нужно обдирать! Петя, позови-ка сюда Поллака, скажи важно, а то не пойдетъ.

Маруся. Ну вотъ, главное сдѣлано, деньги есть. (Поетъ.) „Зоветъ меня взглядомъ и крикомъ своимъ — и вымолвить хочетъ: давай улетимъ!" Трейчъ, мнѣ надо съ вами поговорить. Какой вы грязный! Гдѣ вы были? (Уходитъ.)

Лунцъ. Какая дѣвушка! Это солнце! Это вихрь огненныхъ силъ! Это Юдифь!

Анна. Да, слишкомъ много огня. Революція не нуждается въ вашихъ вихряхъ и взрывахъ — это, если хотите знать, ремесло, въ которое нужно вносить терпѣніе, настойчивость и спокойствіе. А эти вихри . . .

Лунцъ. И для революціи нуженъ талантъ.

Анна. Не знаю. Люди ужъ очень злоупотребляютъ этимъ словомъ талантъ. На канатѣ хорошо ломается — талантъ. На звѣзды всю жизнь смотритъ . . .

Верховцевъ. Да. А какъ у васъ, уважаемый звѣздочетъ, обстоятъ дѣла на небѣ?

Сергѣй Никол. Хорошо. А у васъ на землѣ?

Верховцевъ. Довольно скверно, какъ видите. На землѣ всегда скверно, уважаемый звѣздочетъ, всегда кто нибудь кого нибудь душитъ. Кто-то плачетъ, кто-то кого-то предаетъ. Ноги вотъ болятъ. Намъ далеко до гармоніи небесныхъ сферъ.

Сергѣй Никол. Тамъ не всегда гармонія. Тамъ также бываютъ катастрофы.

Верховцевъ. Очень жаль, значитъ и на небо надежда потеряна. А вы о чемъ задумались г . . . г . . . Штольцъ?

Штольцъ. Я думаю, что всякій человѣкъ долженъ быть сильнымъ.

Верховцевъ. Ого! А вы сильны?

Штольцъ. Къ сожалѣнію нѣтъ, природа при рожденіи лишила меня нѣкоторыхъ свойствъ, которыя составляютъ силу. Я очень боюсь крови и . . .

Верховцевъ. И пауковъ? Кстати: вы платье готовое покупаете или на заказъ?

Поллакъ (подходитъ). Чѣмъ могу служить? Добрый день, господа.

Верховцевъ. Вотъ что, г. Поллакъ: нужны двѣ тысячи . . . не скажу, чтобы взаимы, потому что едва ли вамъ ихъ кто отдастъ . . .

Поллакъ. А для какой надобности, смѣю спросить?

Верховцевъ. Надо устроить бѣгство Николая Сергѣевича. Можете дать?

Поллакъ. Съ удовольствіемъ.

Верховцевъ. Онъ . . .

Поллакъ. Нѣтъ, нѣтъ, прошу безъ подробностей. Уважаемый Сергѣй Николаевичъ, могу я сегодня воспользоваться вашимъ рефракторомъ?

Сергѣй Никол. Пожалуйста. Сегодня у меня праздникъ. (Поллакъ уходитъ кланяясь.)

Верховцевъ. Вотъ это ученый. Хорошъ, Сергѣй Николаевичъ?

Сергѣй Никол. Онъ очень способный.

Анна (вообще). А для чего существуетъ астрономія?

Верховцевъ. Для календарей, должно быть. (Маруся и Трейчъ подходятъ.)

Маруся. Такъ вы сдѣлаете это, Трейчъ. На васъ нападаютъ Сергѣй Николаевичъ? Анна такъ ненавидитъ астрономію, какъ будто это ея личный врагъ.

Сергѣй Никол. Я ужъ привыкъ къ этому, Маруся.

Анна. У меня нѣтъ личныхъ враговъ, вы это хорошо знаете. А астрономію я не люблю потому, что не понимаю, какъ люди могутъ столько времени глазѣть на небо, когда на землѣ все устроено такъ плохо.

Житовъ. Астрономія — торжество разума.

Анна. По моему разумъ больше бы торжествовалъ, если бы на землѣ не было голодныхъ.

Маруся. Какія горы! Какое солнце! Какъ вы можете говорить, спорить, когда такъ свѣтитъ солнце!

Лунцъ. Вы слѣдовательно противъ науки, Анна Сергѣевна?

Анна. Не противъ науки, а противъ ученыхъ, которые науку дѣлаютъ предлогомъ, чтобы уклоняться отъ общественныхъ обязанностей.

Штольцъ. Человѣкъ долженъ говорить „я хочу", обязанность — это рабство.

Инна Алекс. Не люблю я этихъ разговоровъ. И охота людямъ себѣ кровь портить. Василій Васильевичъ . . . да подымитесь же. Вотъ что (отводитъ его къ верандѣ) вы денегъ то своихъ не давайте. Хватитъ. Поллакъ очень великодушный молодой человѣкъ и въ случаѣ чего . . . (Смѣется.) А все таки: астролябія.

Житовъ. Какъ же теперь ваша экспедиція въ Канаду Инна Александровна? Деньги то? . . .

Инна Алекс. Ну, достану! Годъ еще впереди. Я ловка денегъ доставать. А вы вотъ что, Василій Васильевичъ, попрошу васъ, какъ друга: нападать они будутъ на моего старика, рады, что онъ молчитъ, такъ вы ужъ постойте за него. Хорошо?

Житовъ. Хорошо.

Инна Алекс. А я пойду. Нужно Колюшкѣ бѣлье приготовить и такъ хлопотъ много . . . (Уходитъ.)

Сергѣй Никол. (продолжаетъ). Я очень люблю хорошіе разговоры. Во всѣхъ рѣчахъ я вижу искорки свѣта и это такъ красиво: какъ млечный путь. Очень жаль, что люди большей частью говорятъ о пустякахъ.

Анна. Красивыми словами люди часто отдѣлываются отъ работы.

Верховцевъ. Вотъ вы очень спокойный человѣкъ, Сергѣй Николаевичъ, вы даже неспособны, кажется, обижаться, — а случалось ли вамъ когда нибудь плакать? Я конечно беру не тотъ счастливый возрастъ, когда вы путешествовали безъ штановъ, а вотъ теперь? . . .

Сергѣй Никол. О да. Я очень слезливъ.

Верховцевъ. Вотъ какъ!

Сергѣй Никол. Когда я видѣлъ комету Беллу, предсказанную Галлеемъ, я заплакалъ.

Верховцевъ. Причина уважительная, хотя для меня и не совсѣмъ понятная. А вы ее понимаете, господа?

Лунцъ. Да, конечно. Вѣдь Галлей могъ ошибаться.

Верховцевъ. Что же, тогда нужно было бы рвать волосы отъ отчаянія?

Маруся. Вы преувеличиваете, Валентинъ.

Анна. А когда сына чуть не разстрѣляли, онъ остался совершенно спокоенъ.

Сергѣй Никол. Въ мірѣ каждую секунду умираетъ по человѣку, а во всей вселенной, вѣроятно, каждую секунду разрушается цѣлый міръ. Какъ же я могу плакать и приходить въ отчаяніе изъ за смерти одного человѣка?

Верховцевъ. Такъ. Штольцъ, не правда ли это очень сильно, какъ разъ по вашему? Такъ что если Николаю не удастся бѣжать и его . . .

Сергѣй Никол. Конечно, это будетъ очень грустно, но . . .

Маруся. Не шутите такъ, Сергѣй Николаевичъ. Мнѣ больно, когда я слышу такія шутки.

Сергѣй Никол. Да я и не шучу, милая Маруся. Вообще я никогда не умѣлъ шутить, хотя очень люблю, когда шутятъ другіе, напримѣръ Валентинъ.

Верховцевъ. Благодарю васъ.

Житовъ. Это правда. Сергѣй Николаевичъ никогда не шутитъ.

Маруся (затуманиваясь). Тѣмъ хуже.

Верховцевъ. Что значитъ — заткнуть уши астрономической ватой! Хорошо, спокойно. Пусть весь міръ взвоетъ, какъ собака . . .

Лунцъ. Когда молодой Будда увидѣлъ голодную тигрицу, онъ отдалъ ей себя, да. Онъ не сказалъ: я Богъ, я занятъ важными дѣлами, а ты только голодный звѣрь — онъ отдалъ ей себя!

Сергѣй Никол. Вы видите надпись (показывая на фронтонъ обсерваторіи.) Haec domus Uraniae est. Curae procul este profanae. Tenenitur hic humilis tellus! Hinc itur ad astra! Это значитъ: Это храмъ Ураніи. Прочь суетныя заботы! Попирается здѣсь низменная земля — отсюда идутъ къ звѣздамъ.

Верховцевъ. Да. Но что вы разумѣете подъ суетными заботами, уважаемый звѣздочетъ? Вотъ у меня ноги содраны до кости осколкомъ — это тоже по нашему суетная забота?

Анна. Конечно.

Сергѣй Никол. Да. Смерть — несправедливость — несчастья — всѣ черныя тѣни земли — вотъ суетныя заботы.

Верховцевъ. Значитъ, явись завтра новый Наполеонъ, новый деспотъ, и зажми весь міръ въ желѣзномъ кулакѣ — это тоже будетъ: суетная забота?

Сергѣй Никол. Да. Я такъ думаю.

Верховцевъ (обводитъ всѣхъ взглядомъ и грубо смѣется). Такъ вотъ оно что!

Анна. Это возмутительно! Это какіе то Боги, которые предоставляютъ людямъ страдать какъ имъ угодно, а сами . . .

Маруся. Трейчъ, почему вы ничего не возразите?

Трейчъ. Я слушаю.

Верховцевъ. Такъ можетъ говорить только тотъ, кто живетъ на содержаніи у правительства и въ полной безопасности сидитъ на своей крышѣ.

Сергѣй Никол. (слегка краснѣя). Не всегда въ безопасности, Валентинъ. Галилей умеръ въ темницѣ. Джіордано Бруно погибъ на кострѣ. Путь къ звѣздамъ всегда орошенъ кровью.

Верховцевъ. Мало ли что было. Христіанъ тоже преслѣдовали, а это не помѣшало имъ въ свою очередь поджаривать на угляхъ невинныхъ астрономовъ.

Анна. У отца даже свои мощи есть, и онъ держитъ ихъ за желѣзными дверьми.

Сергѣй Никол. Анна! Это нехорошо.

Верховцевъ. Это еще что за чепуха?

Анна. Кусокъ кирпича отъ какой-то развалины, — обсерваторія развалилась, — да клочки подлинной рукописи.

Маруся. Анна! Какъ это непріятно! Коля не позволилъ бы себѣ такъ говорить . . .

Анна. Николай слишкомъ деликатенъ. Это его недостатокъ. (Подходитъ Петя и, незамѣченный, молча становится у стѣны.)

Верховцевъ (раздраженно). Оттого-то насъ и бьютъ на каждомъ шагу . . .

Маруся. Не надо! Не надо! . . . Трейчъ, да что же вы! . . .

Трейчъ (сдержано). Надо идти впередъ. Здѣсь говорили о пораженіяхъ, но ихъ нѣтъ. Я знаю только побѣды. Земля — это воскъ въ рукахъ человѣка. Надо мять, — давить — творить новыя формы. Но надо идти впередъ. Если встрѣтится стѣна — ее надо разрушить.

Если встрѣтится гора — ее надо срыть. Если встрѣтится пропасть — ее надо перелетѣть. Если нѣтъ крыльевъ — ихъ надо сдѣлать!

Верховцевъ. Хорошо, Трейчъ! Надо сдѣлать!

Маруся. Я уже чувствую крылья!

Трейчъ (сдержанно). Но надо идти впередъ. Если земля будетъ разступаться подъ ногами, нужно скрѣпить ее желѣзомъ. Если она начнетъ распадаться на части, нужно слить ее огнемъ. Если небо станетъ валиться на головы, надо протянуть руки и отбросить его — такъ! (Отбрасываетъ.)

Верховцевъ. У — ахъ! Такъ! (Нѣкоторые невольно повторяютъ позу Трейча-Атланта, поддерживающаго міръ.)

Трейчъ. Но надо идти впередъ, пока свѣтитъ солнце.

Лунцъ. Оно погаснетъ, Трейчъ!

Трейчъ. Тогда нужно зажечь новое.

Верховцевъ. Да, да. Говорите!

Трейчъ. И пока оно будетъ горѣть, всегда и вѣчно — надо идти впередъ. Товариши, солнце вѣдь тоже пролетарій!

Верховцевъ. Вотъ это — астрономія. Ахъ чертъ!

Лунцъ. Впередъ, всегда и вѣчно.

Верховцевъ. Впередъ! Ахъ чертъ! (Всѣ въ возбужденіи разбиваются въ группы.)

Лунцъ (волнуясь). Г. г. я прошу . . . это нельзя такъ оставить. А убитые! Нѣтъ, г. г., не только тѣ, кто мужественно боролся и погибъ за свободу, а вотъ эти . . . жертвы. Вѣдь ихъ милліарды, вѣдь онѣ же не виноваты . . . А ихъ убили! (Молчаніе).

Маруся (звонко кричитъ). Клянусь передъ вами, горы! Клянусь передъ тобою, солнце: я освобожу Николая! . . . У этихъ горъ есть эхо?

Лунцъ. Здѣсь нѣтъ. Но еслибы было, оно отвѣтило бы, какъ въ сказкѣ: да!

Анна (Житову). Какъ это сантиментально. Я не понимаю Валентина . . .

Житовъ. Нѣтъ, ничего. Знаете, я погожу ѣхать въ Австралію: мнѣ тоже захотѣлось повидать Николая Сергѣевича.

Маруся (глядя на небо). Какъ хочется летѣть!

Верховцевъ. Вотъ это — астрономія! Ну, какъ, звѣздочетъ, нравятся вамъ такіе астрономы?

Сергѣй Никол. Да. Нравятся. Его фамилія, кажется, Трейчъ?

Верховцевъ. Онъ такой же Трейчъ, какъ я — Бисмаркъ. Самъ чертъ не знаетъ, какъ его зовутъ по настоящему.

Лунцъ (перебѣгая отъ одной группѣ къ другой). Я счастливъ, я такъ счастливъ. Вы знаете, мои родители — они убиты. И сестра. Я не хотѣлъ, я никогда не хотѣлъ говорить объ этомъ . . . Зачѣмъ говорить? думалъ я . . . Пусть останется глубоко, глубоко въ душѣ и пусть я одинъ только знаю. А теперь . . . Вы знаете, какъ они были убиты? Трейчъ, вы понимаете меня? Я никогда не хотѣлъ . . .

Петя (Житову). Зачѣмъ все это?

Житовъ. Нѣтъ, пріятно.

Петя. Зачѣмъ, когда все это умретъ, и вы, и я, и горы. Зачѣмъ? (Всѣ разбились на группы. Сергѣй Николаевичъ стоитъ одинъ.)

Верховцевъ (Марусѣ, въ восторгѣ). Повѣсить мало этого Трейча. Ну, и откопалъ Николай. Ну, Маруська, вѣдь убѣжитъ, а?

Маруся (затуманиваясь). Я другого боюсь . . .

Верховцевъ. Чего еще?

Маруся. Но — не стоитъ говорить. Пустое.

Верховцевъ. Да въ чемъ дѣло? О чемъ ты задумалась?

Маруся (не отвѣчаетъ: потомъ неожиданно смѣется и поетъ). . . . Давай улетимъ!

Инна Алекс. (высовывается въ окно). Орлятки! Обѣдать!

Верховцевъ. Цыпъ-цыпъ-цыпъ.

Маруся. Будемъ пить шампанское! Мамочка, есть?

Голоса. Да, да. Шампанское.

Инна Алекс. Шампанскаго нѣтъ, а киршвассеръ есть. (Смѣхъ, восклицанья.)

Сергѣй Никол. (отводитъ Марусю). Ну, Маруся, я пойду къ себѣ. Я не хочу вамъ мѣшать.

Маруся. Нѣтъ, отчего же. Сегодня такъ весело.

Сергѣй Никол. Да. И я хотѣлъ устроить себѣ маленькій праздникъ ради нашего пріѣзда, но — не вышло.

Маруся. Пообѣдайте съ нами.

Лунцъ (кричитъ). Нужно притащить Поллака. Онъ порядочный человѣкъ, онъ очень хорошій человѣкъ. Я иду за нимъ.

Голоса. Поллака! Поллака!

Сергѣй Никол. Нѣтъ, обѣдайте безъ меня.

Маруся. Какъ жаль. Инна Александровна будетъ очень огорчена.

Сергѣй Никол. Скажите ей, что я работаю. Передъ отъѣздомъ вы зайдете ко мнѣ, Маруся? (Никѣмъ не замѣченный уходитъ.)

Маруся. Штольцъ, гдѣ вы? Вы будете моимъ кавалеромъ. Намъ еще съ вами столько дѣла. Г.г. не правда ли, какъ онъ похожъ на шпіона?

Анна. Маруся становится неприлична.

Маруся. Вы знаете: мнѣ нужно было переночевать у него, а онъ говоритъ: нельзя. Я живу въ тихомъ нѣмецкомъ семействѣ и далъ обѣщаніе не водить къ себѣ женщинъ и собакъ.

Штольцъ. И чтобъ никто не ночевалъ. И у меня стоитъ диванъ, обитый новымъ шелкомъ, и они каждый вечеръ смотрятъ, не лежитъ ли на немъ какой нибудь человѣкъ. Ужасные люди!

Верховцевъ. А вы бы уѣхали, Штольцъ, какого черта!

Штольцъ. Нельзя. Они берутъ плату впередъ.

Анна. А вы бы не давали!

Штольцъ. Нельзя. Они . . .

Лунцъ (ведетъ Поллака, кричитъ). Вотъ онъ! Насилу оторвалъ. Присосался къ рефрактору, какъ пьявка!

Поллакъ. Г.г., это насиліе. У меня тамъ не кончено . . .

Маруся. Поллакъ, милый Поллакъ! Сегодня такъ весело! И вы такой хорошій человѣкъ, такой милый, васъ такъ любятъ всѣ.

Поллакъ. Это очень пріятно слышать, но я не знаю, отчего вамъ такъ весело? Революція кончилась не въ нашу пользу.

Верховцевъ. Мы придумали новый планъ. Мы . . .

Поллакъ (отмахивается рукой). Да. Да. Я вѣрю, я вѣрю вамъ.

Маруся. Мы выпьемъ за астрономію. Да здравствуетъ орбита!

Поллакъ. Я не могу къ сожалѣнію принимать алкоголя: онъ причиняетъ мнѣ головную боль и тошноту.

Верховцевъ. Лучшій напитокъ для Поллака — машинное масло. Поллакъ вы будете пить масло.

Маруся. Нѣтъ. Мы киршвассеру выпьемъ. Самаго чистаго киршвассеру.

Лунцъ. Идемъ, товарищъ. Вы хорошій, честный человѣкъ.

Инна Алекс. (высоваясь). Да идите же! Что же это, не дозовешься.

Маруся. Сейчасъ, мамочка, сейчасъ. Вотъ Поллакъ упирается. Что же господа, неужели мы такъ и пойдемъ. Житовъ, вы умѣете пѣть?

Житовъ. Подтягивать могу.

Лунцъ. Марсельезу!

Маруся. Нѣтъ, нѣтъ. Марсельезу, какъ и знамя, нужно беречь для боя.

Трейчъ. Я согласенъ. Есть пѣсни, которыя можно пѣть только въ храмѣ.

Верховцевъ. Повеселѣй что нибудь! Эхъ, какъ грѣетъ солнце!

Анна. Валя, не раскрывай ногъ.

Маруся (запѣваетъ). Небо такъ ясно, — солнце прекрасно, — солнце зоветъ . . .

Всѣ (кромѣ Пети подхватываютъ). Въ веселой работѣ — чужды заботѣ — братья впередъ. — Слава веселому солнцу! — Солнце — рабочій земли. — Слава веселому солнцу! — Солнце — рабочій земли!

Верховцевъ. Да поживѣй, Анна! Ты везешь меня, какъ покойника.

Всѣ (поютъ. Поллакъ серьезно и сдержанно дирижируетъ). Грозы и бури — ясной лазури — не побѣдятъ — Подъ бури покровомъ, въ мракѣ грозовомъ — молньи горятъ! Слава могучему солнцу! Солнце — властитель земли . . . (Послѣднія слова пѣсни повторяются за угломъ дома. Петя остается одинъ и угрюмо смотритъ вслѣдъ ушедшимъ.)

Всѣ (за сценой). Слава могучему солнцу! Солнце — властитель земли! . . .

ЗАНАВѢСЪ.

Дѣйствіе третье.

Большая темная комната, нѣчто вродѣ гостиной. Мебели мало, ничего мягкаго, два книжныхъ шкафа. Піанино. Задняя стѣна: дверь и два большія итальянскія окна выходятъ на веранду. Окна и дверь открыты и видно темное, почти черное небо, усѣянное необыкновенно яркими мигающими звѣздами. Въ углу у стѣны, ближе къ авансценѣ столъ, на немъ подъ темнымъ абажуромъ лампа. За столомъ Инна Александровна читаетъ газеты. Анна что то шьетъ; Лунцъ ходитъ взадъ и впередъ. У одного изъ шкафовъ Верховцевъ на костыляхъ достаетъ книгу. Глубокая тишина, какая бываетъ только въ горахъ. Молчаніе продолжается нѣкоторое время послѣ открытія занавѣса.

Верховцевъ (бормочетъ). А, чертъ!

Инна Алекс. Валя, ты читалъ, что президентъ отказалъ Кассовскому въ помилованіи?

Верховцевъ. Читалъ.

Инна Алекс. Что же это такое, а?

Верховцевъ. Разстрѣляютъ.

Инна Алекс. Докуда же это будетъ, Господи? Неужели и такъ мало жертвъ?

Верховцевъ (несетъ книгу подъ мышкой, роняетъ). А чтобъ тебя чертъ! Анна, подними.

Анна (медленно встаетъ). Сейчасъ. (Лунцъ молча поднимаетъ книгу, кладетъ на столъ и продолжаетъ ходить.)

Верховцевъ (неловко садится, перелистываетъ книгу; Аннѣ). Неужели тебѣ не надоѣстъ ковырять?

Анна. Нужно же что нибудь дѣлать.

Верховцевъ. Читала бы. (Анна не отвѣчаетъ. Молчаніе.) Нѣтъ, не могу. Какая дьявольская тишина, какъ въ гробу! Еще недѣля такая, и я брошусь въ пропасть, запью, побью Поллака.

Лунцъ (нервно). Ужасная тишина! Точно осуществился сонъ Байрона: солнце погасло, все уже умерло на землѣ и мы послѣдніе люди. Ужасная тишина!

Верховцевъ. Житовъ, что вы тамъ дѣлаете?

Житовъ (съ веранды). Смотрю.

Верховцевъ (презрительно). Смотрю! (Молчаніе.) Не могу я безъ работы!

Анна. Что же подѣлаешь, надо терпѣть.

Верховцевъ. Терпи ты если хочешь, а я . . . Чертъ! (Читаетъ.)

Инна Алекс. (сидитъ задумавшись). Сереженькѣ теперь было бы 21 годъ ужъ . . . Красивый онъ былъ мальчикъ, на Колю похожъ былъ . . . Анюта, ты его помнишь?

Анна. Нѣтъ.

Инна Алекс. А я такъ помню . . . Ты, Анюта, била его; ты злая была маленькая. И какъ скрутило быстро: въ три дня. Воспаленіе слѣпой кишки — у такого-то крошки! Какъ стали рѣзать ему животикъ, такъ повѣрите ли, Іосифъ Абрамовичъ . . .

Верховцевъ. Да ну васъ, ей Богу. Весь вечеръ сегодня все о покойникахъ да о покойникахъ. Ну умеръ, и умеръ, и хорошо сдѣлалъ, что умеръ. Житовъ, идите сюда разговаривать!

Житовъ. Сейчасъ.

Лунцъ. Какая тоска!

Верховцевъ. А что Маруся-то пишетъ, Инна Александровна?

Инна Алекс. (со вздохомъ). Пишетъ много, да толку не добьешься. Обѣщаетъ черезъ недѣлю, а тамъ опять что нибудь задержало, а тамъ опять черезъ недѣлю. Вотъ и во вчерашнемъ письмѣ тоже . . .

Верховцевъ. Знаю, знаю, я думалъ, нѣтъ ли чего новаго.

Инна Алекс. Ужъ не заболѣлъ ли Колюшка?

Верховцевъ. Такъ и заболѣлъ ужъ! Скажите еще: умеръ.

Лунцъ. Она тогда мертваго его украдетъ и привезетъ.

Инна Алекс. Да что вы? Что вы говорите то, подумайте!

Житовъ (входитъ). Ну, о чемъ говорить?

Верховцевъ. Садитесь. Вы что тамъ дѣлаете?

Житовъ. На звѣзды смотрѣлъ. Какія онѣ сегодня: красивыя и безпокойныя. (**Входитъ Петя. Вообще въ теченіе дѣйствія онъ нѣсколько разъ проходитъ сцену.**)

Лунцъ. А я сегодня не могу смотрѣть на звѣзды. Я не знаю, куда бы отъ нихъ ушелъ, я спрятался бы въ подвалъ, но и тамъ я буду ихъ чувствовать. Понимаете: какъ будто нѣтъ разстояній. Какъ будто всѣ эти громады, живыя и мертвыя, столпились надъ землей и приближаются къ ней, и что то такое въ нихъ есть . . . Я не знаю . . . (**Ходитъ, продолжая жестикулировать.**)

Житовъ. Атмосфера тутъ очень чистая. Вотъ въ Калифорніи . . .

Верховцевъ. А вы были въ Калифорніи?

Житовъ. Былъ. Вотъ въ Калифорніи, на обсерваторіи Лика, такъ правда, иногда жутко смотрѣть.

Петя. Мама, откуда у насъ въ кухнѣ эта старуха?

Инна Алекс. Какая? А, эта то. Пришла, я и велѣла ее пріютить. Снизу она, изъ долины. Нищенка — что ли, глухая, у нея не поймешь.

Петя. Какъ же она взошла на гору? Какъ она могла?

Верховцевъ. Вамъ бы тутъ, теща, богадѣльню устроить.

Инна Алекс. А что ты думаешь? Можетъ быть и устрою, если Сергѣй Николаевичъ согласится. Ты почиталъ бы . . .

Петя (настойчиво). Мама, какъ она взошла?

Инна Алекс. Да не знаю, голубчикъ. Ты почиталъ бы, что Марусичка о голодныхъ дѣткахъ пишетъ. Мамочка, хлѣбца хочу, ну и пошла мать за хлѣбомъ, и уже какъ она его тамъ достала и говорить не стоитъ . . . Пришла, а дѣвочка-то уже мертвая.

Анна. Благотворительностью ничего не сдѣлаешь.

Инна Алекс. Что же, такъ пусть и умираютъ?

Петя. Пусть и умираютъ. Іосифъ, вы что-то грустны сегодня?

Лунцъ. Да, Петя, у меня очень тяжелыя мысли. Это такая ночь, я не знаю, какая это ночь. Это ночь призраковъ. Вы смотрѣли сегодня на звѣзды?

Петя. А мнѣ вотъ весело! (Бренчитъ что-то дикое на рояли.)

Верховцевъ. Оставь!

Петя (играетъ и поетъ). Какъ мнѣ весело!

Инна Алекс. Да ну, Петечка, оставь же! (Петя громко захлопываетъ крышку рояля и выходитъ на веранду. Молчаніе.)

Лунцъ. А Трейчъ скоро вернется?

Верховцевъ. Не вышло — значитъ сегодня или завтра. Житовъ, что вы все молчите?

Житовъ. Такъ. Не хочется говорить что-то.

Лунцъ. У меня такія тяжелыя мысли! Такія тяжелыя мысли! Такъ можно убить себя.

Верховцевъ. Пустое. Среди астрономовъ нѣтъ самоубійцъ!

Лунцъ. Я плохой астрономъ. Очень, очень плохой.

Анна. Тѣмъ лучше. Вотъ и займетесь чѣмъ нибудь дѣльнымъ.

Лунцъ. Я сегодня боюсь звѣздъ. Я думаю: какія онѣ огромныя, какія онѣ равнодушныя, и какъ имъ нѣтъ

никакого дѣла до меня, и я становлюсь такой маленькій, такой жалкій — какъ знаете, цыпленокъ, который во время еврейскаго погрома спрятался куда нибудь, сидитъ и ничего не понимаетъ. (Петя входитъ.)

Верховцевъ. Звѣзды — и еврейскій погромъ. Странная комбинація.

Инна Алекс. (предостерегающе киваетъ головой Верховцеву). Это отъ того, Іосифъ Абрамовичъ, что у всѣхъ насъ нервы развинтились. Вѣдь подумать только: уже полтора мѣсяца, какъ уѣхала Маруся, а ничего нѣтъ. Я сама, на что ко всему привычный человѣкъ, а и — то вздрагивать начала.

Лунцъ. Летаетъ пухъ, звенятъ стекла, а онъ сидитъ — и что онъ думаетъ?

Верховцевъ. Ничего не думаетъ. Думаетъ, что снѣгъ идетъ.

Лунцъ. Меня пугаетъ безконечность. Какая безконечность? Зачѣмъ безконечность? Вотъ я смотрю на звѣзды: одна, десять, милліонъ — и все нѣтъ конца. Боже мой, кому же я жаловаться буду?

Верховцевъ. А зачѣмъ жаловаться?

Лунцъ. Вотъ я, маленькій еврей . . . (Ходитъ продолжая жестикулировать.)

Поллакъ (входитъ). Добрый вечеръ. Я могу, господа, посидѣть съ вами? Я не помѣшаю?

Инна Алекс. Конечно, нѣтъ. Пожалуйста.

Поллакъ. Магнитная стрѣлка очень колеблется, Лунцъ. Завтра нужно наблюдать солнце. (Лунцъ что-то бормочетъ.) Вамъ я уже не говорю, Житовъ, вы повидимому окончательно бросили занятія. Вы уѣзжаете?

Житовъ. Да, послѣзавтра.

Инна Алекс. Что это? Вѣдь вы же, Василій Васильевичъ, хотѣли подождать Колюшку? Какъ же это вы такъ? сразу?

Житовъ. Да нѣтъ уже. Надо ѣхать. Засидѣлся!

Верховцевъ. Вотъ будетъ тощища, какъ вы еще уѣдете. Пошлите вы къ черту эту Зеландію.

Житовъ. Нѣтъ, надо.

Анна. А вы что же не работаете, г. Поллакъ?

Поллакъ. Сегодня я мечтаю, уважаемая Анна Сергѣевна. Сегодня мнѣ исполнилось 32 года и именно въ эту минуту. Я родился вечеромъ въ 10 ч. и 37 минутъ. Вычитая разницу во времени, получается (смотритъ на часы) какъ разъ 10 часовъ 16 минутъ.

Верховцевъ. Поздравляю.

Поллакъ. Благодарю васъ. И я сегодня немного мечтаю. Въ мои 32 года я уже сдѣлалъ довольно много для науки и мое имя . . . Впрочемъ, я не буду входить въ подробности. И уже я имѣю право устраивать личную жизнь.

Верховцевъ. Да неужели вы женитесь? Вотъ такъ штука!

Поллакъ. Да, вы угадали. Я женюсь.

Инна Алекс. И хорошо дѣлаете, голубчикъ. Только бы жена попалась хорошая.

Поллакъ. Моя невѣста въ этомъ году оканчиваетъ курсъ въ Университетѣ и скоро, уважаемая Инна Александровна, ваше уютное жилище перестанетъ считать меня своимъ членомъ.

Инна Алекс. Вотъ какой тихоня! И какъ это вы ни разу не проговорились.

Петя (рѣзко). Я тоже женюсь. У меня тоже есть невѣста. Красавица!

Поллакъ. Да? Вы шутите?

Инна Алекс. Петя! (Петя хохочетъ и уходитъ на веранду.)

Анна. Что это съ нимъ? Какъ распустился!

Инна Алекс. И не знаю. Съ того дня, какъ вы пріѣхали, прямо узнать нельзя. Іосифъ Абрамовичъ, вы ближе съ Петей, не знаете, что съ нимъ такое? Безпокоюсь я.

Лунцъ. Съ Петей? Онъ хорошій мальчикъ, честный мальчикъ. И у него тоже тяжелыя мысли.

Поллакъ. И такъ, продолжайте г.г. . . . Я сегодня немного нервно настроенъ и съ удовольствіемъ послушаю вашу бесѣду.

Лунцъ (бормочитъ). Звѣзды, звѣзды.

Поллакъ. Что вы хотите разсказать намъ о звѣздахъ, дорогой Лунцъ?

Лунцъ. Вотъ и тогда онѣ свѣтили гдѣ-то надъ тучами, когда мы сидѣли, и ждали, и думали, что тамъ уже полная побѣда, и теперь онѣ свѣтятъ . . . Можно съ ума сойти . . .

Верховцевъ. Работать, работать надо, а тутъ сидишь какъ на цѣпи въ этомъ чертовомъ гробу. Эхъ! (Ковыляетъ по комнатѣ къ окну, смотритъ нѣкоторое время и возвращается обратно.) Кажется Трейчъ вернулся.

Поллакъ. Мнѣ очень нравится г. Трейчъ. Это очень серьезный человѣкъ.

Инна Алекс. Значитъ опять ничего?

Верховцевъ (грубо). А вы чего ждали? Вѣдь вамъ уже писали, что ничего.

Инна Алекс. Господи, господи! Колюшка мой, Колюшка. Не дождусь я тебя, голубчика, чуетъ мое сердце. (Тихо плачетъ.)

Трейчъ (входитъ, здоровается со всѣми и усаживается). Добрый вечеръ.

Инна Алекс. Устали, голубчикъ. Поѣсть не хотите?

Трейчъ. Благодарю васъ, я кушалъ дорогой.

Верховцевъ. Что новаго?

Трейчъ. Много арестовъ. О томъ, что Занько повѣшенъ, вы, конечно, знаете?

Голоса. Развѣ? Занько? Нѣтъ. Когда же это?

Верховцевъ. Бѣдный малый! Ну какъ онъ? . . .

Инна Алекс. Такой молодой! . . . Вѣдь это онъ былъ здѣсь съ Колюшкой въ прошломъ году? Такой черненькій, съ усиками.

Анна. Да, онъ.

Инна Алекс. Руку мнѣ поцѣловалъ . . . Такой молодой . . . Мать у него есть?

Анна. Ахъ, мама! . . . Не знаете, Трейчъ, не проговорился онъ?

Трейчъ. Онъ храбро встрѣтилъ смерть, хотя съ нимъ поступили подло. Онъ просилъ, чтобы при казни присутствовалъ его защитникъ — у него нѣтъ родныхъ и онъ имѣлъ на это право. Ему обѣщали и обманули его — и въ послѣднюю минуту онъ видѣлъ только лица палачей и звѣзды. Его казнили вечеромъ.

Лунцъ. Звѣзды, звѣзды! (Молчаніе.)

Трейчъ. Въ Тернахѣ солдаты убили около двухсотъ рабочихъ. Много женщинъ и дѣтей. Въ Штернбергскомъ округѣ голодъ. Утверждаютъ, что были случаи поѣданія труповъ.

Верховцевъ. Вы черный вѣстникъ, Трейчъ.

Трейчъ. Въ Польшѣ начались еврейскіе погромы.

Лунцъ. Что? Опять?

Поллакъ. Какое варварство! Какіе глупые люди!

Инна Алекс. Ну, можетъ быть, еще только слухи. Много говорятъ . . .

Верховцевъ. Ну, а наши? А наши?

Трейчъ (пожимаетъ плечами). Завтра я иду туда.

Анна. Ну и васъ повѣсятъ. Больше ничего. Нужно выждать.

Верховцевъ. И я съ вами! Къ черту!

Анна. Куда же ты съ такими ногами пойдешь? Одумайся, Валентинъ, ты не ребенокъ.

Верховцевъ. А! . . .

Трейчъ. А какъ ваши ноги, Валентинъ? (Верховцевъ машетъ рукой.)

Анна. Плохо.

Инна Алекс. А про Колюшку ничего?

Трейчъ. Въ назначенный часъ на мѣстѣ никого не было, и я понялъ, что дѣло отложено. Я самъ теряюсь въ догадкахъ. Завтра я иду туда.

Инна Алекс. Богъ вамъ въ помощь, голубчикъ. Благословляю васъ, какъ сына. (Трейчъ цѣлуетъ у нея руку.)

Поллакъ (Житову). Скажите, пожалуйста, рабочій, а какъ воспитанъ. Я удивленъ.

Житовъ. М-да.

Поллакъ. И мнѣ очень нравится, что онъ разсказываетъ такъ ясно и коротко.

Лунцъ (кричитъ). Вы слышали?

Анна. Что съ вами, какъ вы кричите! Испугали.

Лунцъ. Опять! Опять убиваютъ отцовъ и матерей, опять рвутъ дѣтей на части. О, я почувствовалъ это, я понялъ это сегодня, когда взглянулъ на эти проклятыя звѣзды!

Поллакъ. Дорогой Лунцъ, успокойтесь.

Инна Алекс. Зачѣмъ вы сказали это, Трейчъ!

Трейчъ. Это ничего.

Лунцъ. Нѣтъ, я не успокоюсь, я не хочу успокоиваться! Я довольно былъ спокоенъ. Я былъ спокоенъ, когда убили мать и отца и сестру. Я былъ спокоенъ, когда тамъ, на баррикадахъ убивали моихъ братьевъ. О, я долго былъ спокоенъ. Я и теперь спокоенъ. Развѣ я не спокоенъ? Трейчъ! . . . Значитъ все . . . напрасно?

Трейчъ. Нѣтъ. Мы побѣдимъ.

Лунцъ. Трейчъ, я любилъ науку. Поллакъ, я любилъ науку. Когда я еще былъ маленькій, такой маленькій, что меня били всѣ мальчики на улицѣ, я уже тогда любилъ науку. Меня били, а я думалъ: вотъ я выросту и стану знаменитый ученый и буду честью моей семьи, моего дорогого отца, который отдавалъ мнѣ послѣдніе гроши, моей дорогой мамы, которая плакала надо мной. О, какъ я любилъ науку!

Поллакъ. Мнѣ очень жаль васъ, Лунцъ. Я уважаю васъ.

Лунцъ. Когда я не ѣлъ, когда я не пилъ, когда я какъ собака бродилъ по улицамъ, ища корки хлѣба — я думалъ о наукѣ. И тогда, когда убили моего отца и мать и сестру, я плакалъ, рвалъ волосы и думалъ о наукѣ. Вотъ какъ я любилъ науку! А теперь (тихо) я ненавижу науку. (Кричитъ.) Не надо науки, долой науку!

Поллакъ. Лунцъ, Лунцъ, какъ мнѣ жаль . . .

Анна. Лунцъ, возмите себя въ руки. Нельзя же такъ, вѣдь это истерія.

Лунцъ. Ага, истерія! Пусть истерія, и я спокоенъ, и вы напрасно думаете, что я неспокоенъ. Я не хочу науки. Я уйду отсюда. Я уйду отсюда. Вы слышите?

Трейчъ. Пойдемте со мной.

Лунцъ. Да, я пойду съ вами. Я не хочу науки. Проклятыя звѣзды. Опять, опять! Вѣдь я слышу, какъ они тамъ кричатъ! Вы не слышите, а я слышу! И я вижу — всѣхъ, всѣхъ, кого жгли, убивали, рвали на части. Били за то, что среди насъ родился Христосъ, что среди насъ были пророки и Марксъ. Я вижу ихъ. Они смотрятъ на меня въ окно, холодные, истерзанные трупы, они стоятъ надъ моей головой, когда я сплю, они спрашиваютъ меня: и ты будешь заниматься наукой, Лунцъ? Нѣтъ! Нѣтъ!

Инна Алекс. Голубчикъ ты мой, помоги тебѣ Богъ.

Лунцъ. Да, Богъ. Я еврей, и я зову еврейскаго Бога: Боже отмщеній, Господи Боже отмщеній, яви себя! Возстань. Судія земли, воздай возмездіе гордымъ. Боже отмщеній! Господи Боже отмщеній! Яви себя!

Верховцевъ. Месть палачамъ! (Лунцъ молча грозитъ кулакомъ и уходитъ.)

Верховцевъ. Трейчъ, каковъ?

Поллакъ. Какой несчастный юноша. Это такъ тяжело, если человѣкъ любитъ науку и ему нельзя ей

служить. Мнѣ было такъ весело, а когда онъ говорилъ, я заплакалъ, уважаемая Инна Александровна.

Инна Алекс. И не говорите. Сердце у меня разрывается. Когда этому конецъ будетъ. Господи! Проживешь, а свѣтлыхъ дней такъ и не увидишь. Жизнь!

Житовъ. Да, тяжело.

(Трейчъ отводитъ Верховцева въ сторону и предостерегающе показавъ на Инну Александровну шепчетъ ему что-то. При первыхъ словахъ Верховцевъ отдергиваетъ голову и громко говоритъ.)

Верховцевъ. Не можетъ быть. Нико! . . .

Трейчъ. Т-съ. (Шепчутся.)

Поллакъ. Нужно уповать на Бога, уважаемая Инна Александровна, но не Бога отмщенія, о которомъ говорилъ этотъ несчастный юноша, а Бога милосердія и любви.

Житовъ. Да. Боги бываютъ разные, какой кому нуженъ.

Инна Алекс. Ахъ дѣти, дѣти! Горе съ нами великое! (Входитъ Сергѣй Николаевичъ, здоровается.)

Сергѣй Никол. И вы здѣсь, Поллакъ?

Поллакъ. Сегодня день моего рожденія, уважаемый Сергѣй Николаевичъ.

Сергѣй Никол. Поздравляю васъ. (Жметъ руку.)

Поллакъ. И сегодня я имѣлъ честь объявить собравшимся господамъ о моей помолвкѣ съ дѣвицей Фанни Эрстремъ.

Сергѣй Никол. Такъ вотъ вы какой счастливецъ!

Поллакъ. Да. Теперь у меня будетъ спутникъ, уважаемый Сергѣй Николаевичъ. (Хохочетъ.)

Сергѣй Никол. Еще разъ поздравляю. А скажите, относительно Николая нѣтъ ничего новаго?

Трейчъ. Повидимому бѣгство отложено.

Верховцевъ. А что на землѣ дѣлается, почтенный звѣздочетъ, еслибъ вы слыхали!

Сергѣй Никол. А что? Опять какія нибудь несчастья?

Верховцевъ. Да — суетныя заботы. (Склонивъ голову на бокъ.) Вотъ смотрю я этакъ на васъ и думаю: есть у васъ хоть какіе нибудь друзья, или вы такъ одинъ и одинъ?

Сергѣй Никол. (показываетъ на Инну Александровну.). Вотъ мой другъ.

Инна Алекс. Не конфузь меня, Сергѣй Николаевичъ. — Развѣ тебѣ такой другъ нуженъ?

Верховцевъ. Ну положимъ. А еще?

Сергѣй Никол. Есть и еще. Но представьте, я ихъ никогда не видалъ. Одинъ живетъ въ Южной Африкѣ, у него обсерваторія, другой въ Бразиліи, а третій — не знаю гдѣ.

Верховцевъ. Пропалъ?

Сергѣй Никол. Онъ умеръ лѣтъ полтораста назадъ. А еще одинъ есть, того я совсѣмъ не знаю, хотя очень люблю—такъ этотъ еще не родился. Онъ долженъ родиться приблизительно черезъ 750 лѣтъ, и я уже поручилъ ему провѣрить кое какія мои наблюденія.

Верховцевъ. И увѣрены, что онъ сдѣлаетъ?

Сергѣй Никол. Да.

Верховцевъ. Странная коллекція. Вамъ бы ее въ какой нибудь музей пожертвовать! Не правда ли, Трейчъ?

Трейчъ. Мнѣ нравятся друзья г. Терновскаго. (Быстро входитъ Петя, оглядывается.)

Петя. А Лунцъ гдѣ? Всѣ тутъ? Хорошо. А Лунцъ?

Инна Алекс. Онъ у себя, Петя, пойди къ нему, поговори, онъ такъ взволнованъ сегодня.

Петя. Пожалуйста, господа, посидите здѣсь. Я хочу устроить маленькое празднество, сегодня такой день.

Поллакъ. Ужъ не фейерверкъ ли? О, хитрый Петя. Но это ужъ слишкомъ, хотя, конечно, день такой . . .

Петя. Я сейчасъ. (Уходитъ.)

Сергѣй Никол. (прохоживается медленно.) Вы не знаете, Поллакъ, каковъ барометръ сегодня?

Поллакъ. Довольно низко, уважаемый Сергѣй Николаевичъ.

Сергѣй Никол. Это чувствуется.

Поллакъ. Въ связи съ колебаніемъ стрѣлки надо думать, что въ южныхъ широтахъ циклонъ.

Сергѣй Никол. Да, безпокойно.

Анна (Иннѣ Александровнѣ). Навѣрное Петя задумалъ какую нибудь гадость. Напрасно вы поощряете его, мама.

Инна Алекс. Что же я съ нимъ подѣлаю. Ты сама видишь, что съ нимъ . . .

Верховцевъ (идетъ съ Трейчемъ къ столу). Какая тутъ у васъ дьявольская тищина: точно въ могилѣ.

Сергѣй Никол. Развѣ? А мнѣ здѣсь внизу кажется нѣсколько шумно.

Трейчъ (Верховцеву). Да, вотъ еще: если я не вернусь, вы скажете ей, что . . .

Верховцевъ. Понимаю. Фу, духота какая!

Анна. А по мнѣ скорѣе холодно.

Верховцевъ. Духота, холодно — все одинъ чертъ. Если я тутъ поживу еще недѣлю . . .

Поллакъ. А не устроить ли намъ, господа, болѣе или менѣе правильную бесѣду, въ которой всѣ бы могли принимать участіе? Предсѣдателемъ мы изберемъ . . .

Лунцъ (входитъ). Меня звали? Вы звали меня, Сергѣй Николаевичъ?

Сергѣй Никол. Нѣтъ.

Лунцъ. Что же Петя сказалъ мнѣ? (Хочетъ уйти.)

Поллакъ. Посидите съ нами, дорогой Лунцъ. Теперь, когда вы нѣсколько успокоились, я хочу сказать вамъ, что я не согласенъ съ вами относительно науки.

Лунцъ. Ахъ, оставьте! Сергѣй Николаевичъ, я долженъ вамъ сказать: я оставляю обсерваторію. (Голосъ Пети за дверью: „Пажи! шире дорогу герцогинѣ!")

Поллакъ (смѣется). Ахъ, это Петя! Какой забавный мальчикъ! Слушайте, слушайте!

(Распахиваются двери. Входитъ Петя и старуха. Она перегнулась пополамъ, подъ прямымъ почти угломъ и еле идетъ — ужасный образъ нищеты, старости и горя. Петя, взявъ ее за руку, выступаетъ торжественно, какъ въ оперѣ. У дверей улыбающіяся физіономіи Минны, Франца и еще кого-то изъ прислуги.)

Петя. Позвольте представить, господа: вотъ моя невѣста — прелестная Элленъ.

Верховцевъ (грубо смѣется). Вотъ дуракъ!

Анна. Я говорила!

Поллакъ (встаетъ). Это насмѣшка! Я не позволю насмѣхаться надъ моей невѣстой!

Петя (громко). Прелестная Элленъ, поклонитесь собранію. (Старуха кланяется.)

Поллакъ. Я протестую. Это оскорбленіе!

Инна Алекс. Онъ шутитъ. Петичка, нехорошо, не нужно шутить надъ старымъ человѣкомъ.

Лунцъ. Нѣтъ, это не шутка! Я понимаю. О, я понимаю!

Петя. Такъ. Теперь поговоримъ, прелестная Элленъ. Вамъ сколько лѣтъ? (Старуха молчитъ и трясетъ головой.) Вы сказали 17? Вамъ 17 лѣтъ, очаровательная дѣвица. Герцогъ вашъ отецъ и герцогиня ваша мать согласны на нашъ бракъ? (Старуха молчитъ и трясетъ головой.)

Поллакъ. Глубокоуважаемый Сергѣй Николаевичъ! меня оскорбляютъ въ вашемъ домѣ . . .

Лунцъ (бѣшено). Да что вы лѣзете? Кому вы нужны съ вашей идіотской невѣстой.

Поллакъ. Г. Лунцъ, вы отвѣтите!

Лунцъ. Звѣзды, проклятыя звѣзды!

Петя. Какъ я счастливъ, прелестная Элленъ! Вы слышите запахъ розъ? Вы слышите, какъ заливается въ саду соловей? — Это о нашей любви поетъ онъ, прелестная Элленъ.

Лунцъ. Проклятыя звѣзды!

Петя. Вашъ благоухающій ротикъ, прелестная Элленъ . . .

Лунцъ. Да, да . . .

Петя. . . . Ваши жемчужные зубки . . .

Лунцъ. Да, да!

Петя. . . . Ваши нѣжныя щечки — я влюбленъ въ васъ безумно, прелестная Элленъ! Зачѣмъ такъ скромно потупили вы очаровательные глазки ваши? . . .

Лунцъ. Позоръ! И вамъ не стыдно, Поллакъ? Наука! А это вы видите? Это моя мать, это моя мать . . .

Поллакъ. Я не понимаю.

Петя. Выпрямите вашъ стройный станъ и гордо объявите себя моей женой, очаровательная Элленъ. Въ вашихъ объятіяхъ найдетъ вѣчный покой мое безпокойное сердце! (Старуха трясетъ головой.)

Анна. Ихъ всѣхъ надо въ сумасшедшій домъ.

Верховцевъ (съ испугомъ). Анна, молчи!

Поллакъ. Это такое . . .

Лунцъ. Молчи, буржуй, а не то . . . Это моя мать. (Къ старухѣ.) Старая женщина! (Отталкиваетъ Петю.) Послушайте меня. Старая женщина, вотъ стою я передъ вами на колѣняхъ, маленькій еврей. Вы моя мать, и дайте же, дайте я поцѣлую вашу руку . . .

Петя (кричитъ). Это моя невѣста!

Лунцъ. Это моя мать; оставьте ее.

Анна. Дайте воды!

Лунцъ. Старая женщина! Простите меня: я любилъ науку, глупый еврей . . . жидъ! . . .

Верховцевъ (Трейчу.) Нужно что нибудь сдѣлать!

Трейчъ. Ничего.

Лунцъ. Я люблю только васъ, милая, старая женщина. Возьмите мою голову и сердце мое возьмите. Проклятыя звѣзды! Проклятыя звѣзды!

Трейчъ. Вы идете со мной, Лунцъ?

Петя (кричитъ). Это моя невѣста!

Инна Алекс. Господи! Петюшка! Съ нимъ дурно.

Анна. Воды!

Лунцъ. Я иду съ вами. И клянусь Богомъ . . .

Верховцевъ. Да замолчите вы!

(Петя бьется въ припадкѣ. Всѣ кромѣ Трейча бросаются къ нему. Сергѣй Николаевичъ дѣлаетъ шагъ, но останавливается и глядитъ на Лунца.)

Лунцъ (стоя на колѣняхъ). Старая женщина! Вы видете, я плачу, старая женщина, я маленькій еврей, который любилъ науку. Вы моя мать, вы мать моя и клянусь передъ Богомъ, всю жизнь мою я отдамъ вамъ, моя милая, моя старая женщина. Я плачу . . . Проклятыя звѣзды!

ЗАНАВѢСЪ.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

На правомъ углу сцены куполъ обсерваторіи въ разрѣзѣ, одной третью своей уходящій за кулисы. Вокругъ купола галлерейка съ чугунной прозрачной рѣшеткой. Низъ сцены — часть какой то крыши, примыкающей къ главному зданію обсерваторіи и еле намѣченные контуры горъ. Все же остальное — одно огромное пространство ночного неба. Созвѣздія. Внутри купола очень темно: налѣво смутно уходятъ очертанія огромнаго рефрактора: два стола, на нихъ лампы съ темными, непрозрачными колпаками. Створы купола раскрыты и въ нихъ проглядываетъ звѣздное небо. Лѣстница внизъ также въ разрѣзѣ. Тишина, тихій стукъ метронома. Сергѣй Николаевичъ, Петя и Поллакъ.

Поллакъ. Итакъ, уважаемый Сергѣй Николаевичъ, вы будете любезны наблюдать за камерой. Я ухожу, необходимо окончить таблицы.

Сергѣй Никол. Работайте, работайте. До свиданья.

Поллакъ (обращаясь къ Петѣ). Ну, какъ мы себя чувствуемъ сегодня, юный жрецъ богини Ураніи?

Петя. Хорошо. Благодарю васъ.

Поллакъ. И мы уже больше не будемъ насмѣхаться надъ бѣднымъ Поллакомъ, которому такъ хочется жениться?

Петя. Честное слово, я не хотѣлъ . . .

Поллакъ. Я знаю, знаю . . .

Сергѣй Никол. Онъ уже тогда былъ нездоровъ.

Поллакъ. Я шучу, уважаемый Сергѣй Николаевичъ. Вообще я долженъ съ удивленіемъ отмѣтить, что открылъ въ себѣ огромные запасы юмора. Когда сегодня Францъ разлилъ молоко, я сказалъ ему: Францъ, вы оставляете за собой млечный путь — и онъ очень смѣялся. (Хохочетъ.) Но я не буду входить въ подробности. До свиданія. (Уходитъ.)

Петя. Какой смѣшной этотъ Поллакъ! Папа, я тебѣ не помѣшаю, если останусь здѣсь?

Сергѣй Никол. Нѣтъ, дружокъ.

Петя. Мнѣ не хочется внизъ. Теперь тамъ такъ скучно. Ты знаешь, Житовъ вчера прислалъ телеграмму изъ Каира: „Сижу и смотрю на пирамиды“. А ты видалъ пирамиды?

Сергѣй Никол. Видалъ. Я боюсь, дружокъ, что мамѣ одной будетъ тяжело.

Петя. Сейчасъ она уже спитъ. А днемъ я съ ней много бываю. Она все тоскуетъ, папа, о Колѣ.

Сергѣй Никол. Да вѣдь ничего не извѣстно. Отъ Анны нѣтъ извѣстій?

Петя. Нѣтъ. Она не любитъ писать письма. Конечно, ничего еще не извѣстно, я все время твержу это мамѣ, но ты знаешь, какъ трудно говорить съ женщинами . . . Ну, я не буду мѣшать тебѣ. Ты тоже будешь вычислять?

Сергѣй Никол. Да. Немного. Я что-то усталъ.

Петя. А я почитаю . . . Да, папа: вчера я въ журналѣ прочелъ, что ты совершилъ какое то громадное открытіе относительно туманностей и что это ставитъ тебя на ряду . . .

Сергѣй Никол. Это открытіе, дружокъ, я совершилъ уже десять лѣтъ тому назадъ. Астрономическая слава приходитъ поздно — нами интересуются мало.

Петя. И я не зналъ!

Сергѣй Никол. Мы по прежнему остаемся обособленными, какъ египетскіе жрецы, хотя и противъ воли.

Петя. Какъ это глупо! Папочка — а почему ты, когда я былъ боленъ, велѣлъ положить меня сюда? Вѣдь я навѣрное мѣшалъ тебѣ.

Сергѣй Никол. Нѣтъ. Но когда что нибудь становится мнѣ очень мило, мнѣ хочется поднять его сюда. У меня, Петя, смѣшное убѣжденіе, что здѣсь не можетъ быть страданій, болѣзни. Тутъ — звѣзды.

Петя. Разъ ночью я проснулся и увидѣлъ тебя: ты смотрѣлъ на звѣзды. Было тихо и ты смотрѣлъ на звѣзды. И вотъ тогда я что-то понялъ . . . Нѣтъ, почувствовалъ. Не знаю что, я не умѣю объяснить. Какъ будто въ мірѣ мы одни, ты, звѣзды и я . . . или какъ будто мы уже умерли. И отъ этого не было страшно, а спокойно, какъ-то хорошо — чисто. Мнѣ теперь такъ хочется жить — отчего это? Вѣдь я по прежнему не понимаю: зачѣмъ жизнь, зачѣмъ старость и смерть? — а мнѣ все равно. Ну, работай, работай, я не буду входить въ подробности, какъ говоритъ Поллакъ.

Сергѣй Никол. (задумчиво). Да. Человѣкъ думаетъ только о своей жизни и о своей смерти — и отъ этого ему такъ страшно жить и такъ скучно, какъ блохѣ, заблудившейся въ склепѣ. Чтобы заполнить страшную пустоту, онъ много выдумываетъ, красиво и сильно, но и въ вымыслахъ онъ говоритъ только о своей смерти, только о своей жизни, и страхъ его растетъ. И становится онъ похожъ на содержателя музея изъ восковыхъ фигуръ — да, на содержателя музея изъ восковыхъ фигуръ. Днемъ онъ болтаетъ съ посѣтителями и беретъ съ нихъ деньги, а ночью — одинокій, онъ бродитъ съ ужасомъ среди смертей, среди неживого, бездушнаго. Если бы онъ зналъ, что всюду жизнь!

Петя. Ты знаешь, папа, чего я первый разъ испугался? Я увидѣлъ стулъ въ пустой комнатѣ, самый простой стулъ — и вдругъ мнѣ стало такъ страшно, что я закричалъ.

Сергѣй Никол. Его мысль рождена птицей — могучей и свободной царицею пространствъ. А онъ связалъ ей крылья и посадилъ ее въ птичникъ — съ проволочными, безстыдно лгущими стѣнами. И небо сквозь сѣтку только дразнитъ ее, и она ссорится съ другими птицами, тупѣетъ, становится глупой — вмѣсто того, чтобы летать.

Петя. Бѣдная царица!

Сергѣй Никол. Да. Все живетъ. И когда пойметъ это человѣкъ, ему станетъ радостно жить, какъ греку, какъ язычнику. Явятся снова дріады и нимфы, и эльфы запляшутъ въ лунномъ свѣтѣ. Человѣкъ будетъ ходить по лѣсу и разговаривать съ деревьями и цвѣтами. Онъ никогда не будетъ одинъ, ибо все живетъ: и металлъ, и камень, и дерево.

Петя (смѣется). Ты очень смѣшной, папа.

Сергѣй Никол. Да. Развѣ?

Петя. Ты вѣжливъ со стульями. Нѣтъ, это правда, и ты вѣжливъ съ предметами. Когда ты берешь что нибудь въ руки, ты дѣлаешь это какъ то вѣжливо. Я неумѣю объяснить. Ты очень расѣянный, а ходишь такъ ловко, что никогда ничего не зацѣпишь, не толкнешь, не уронишь. Когда стулья, шкафы, стаканы собираются ночью, какъ у Андерсена, и начинаютъ разговаривать, они вѣроятно очень хвалятъ тебя.

Сергѣй Никол. Да? Это мнѣ нравится, что стулья разговариваютъ.

Петя. А что тутъ дѣлается, когда ты уходишь? Вѣроятно все поетъ?

Сергѣй Никол. Оно и при мнѣ поетъ.

Петя. Труба басомъ, да?

Сергѣй Никол. А ты слышишь, мой мальчикъ, что поютъ звѣзды?

Петя. Нѣтъ.

Сергѣй Никол. Онѣ поютъ и пѣснь ихъ таинственна, какъ вѣчность. Кто хоть разъ услышитъ ихъ го-

лосъ, идущій изъ глубины безконечныхъ пространствъ, тотъ становится сыномъ вѣчности! Сынъ вѣчности! — да Петя, такъ когда-нибудь назовется человѣкъ.

Петя (смѣется). Папочка, не сердись: неужели и Поллакъ — сынъ вѣчности?

Сергѣй Никол. Можетъ быть.

Петя. Но онъ такой нелѣпый, такой узкій . . . Ну, ну, я не буду. Сажусь. Какой у тебя здѣсь воздухъ, въ комнатахъ такого никогда не бываетъ. Ты все думаешь?

Сергѣй Никол. Да.

Петя. Ну, думай. Конечно, читаю. (Молчаніе.) Сегодня ровно три недѣли, какъ уѣхалъ Лунцъ.

Сергѣй Никол. Да?

(Молчаніе. Петя читаетъ. Сергѣй Николаевичъ выходитъ изъ задумчивости и медленно придвигаетъ къ себѣ работу. Работаетъ.)

Петя. Первыя ночи, когда у меня былъ жаръ, я очень боялся рефрактора. Онъ двигался по кругу за звѣздой и когда я снова открывалъ глаза, онъ уже успѣвалъ немного передвинуться. И мнѣ казалось — не знаю — какъ будто это одинъ огромный черный глазъ . . . въ сюртукѣ и съ фалдочками.

(Молчаніе. Сергѣй Николаевичъ откладываетъ работу и думаетъ, опершись подбородкомъ на руку. Внизу музыка — нѣсколько нерѣшительныхъ и грустныхъ аккордовъ: „Сижу за рѣшеткой . . . въ темницѣ сырой“ . . .)

Петя (вскакиваетъ). Что это, музыка? Кто же это — тамъ только мама!

Сергѣй Никол. (обернувшись). Да. Не Маруся ли?

Петя (кричитъ). Маруська пріѣхала! Я сейчасъ, сейчасъ! . . . (Бѣжитъ внизъ.)

(Длительное молчаніе. На лѣстницѣ показываются Маруся и Петя.)

Маруся. Не плачь. Что плакать? Пойди къ мамѣ. (Петя плачетъ, сдерживая рыданья.) Пойди, пойди. Она одна. Поддержи ее — ты мужчина.

Петя. А ты?

Маруся. Я ничего. Ступай. (Цѣлуетъ его въ голову; расходятся.)

Сергѣй Никол. Маруся, милая! Какъ я радъ, что вы пріѣхали. Вы не вѣрите въ то, что я могу чувствовать что нибудь, а я сегодня весь день чувствовалъ вашъ пріѣздъ.

Маруся. Здравствуйте, Сергѣй Николаевичъ. Вы работаете?

Сергѣй Никол. А что Николай? Онъ бѣжалъ?

Маруся. Да. Онъ ушелъ изъ тюрьмы.

Сергѣй Никол. Онъ здѣсь?

Маруся. Нѣтъ.

Сергѣй Никол. Но онъ въ безопасности — Маруся!

Маруся. Да.

Сергѣй Никол. Бѣдная Маруся! Какъ вы устали вѣроятно. Сегодня весь день я думаю о васъ и о немъ — о васъ и о немъ. О васъ я говорить не смѣю — но вы какъ музыка. Маруся! Я такъ радъ! Позвольте мнѣ поцѣловать вашу руку — вашу нѣжную ручку, которая такъ много поработала надъ желѣзными замками и рѣшетками. (Церемонно цѣлуетъ руку.) Садитесь, разсказывайте.

Маруся (показывая на галлерею). Пойдемте туда.

Сергѣй Никол. Я такъ радъ. Я возьму для васъ стулъ — вы такъ устали, Маруся (Выходятъ.) Ну садитесь. — Здѣсь, правда, хорошо?

Маруся. Да. Очень хорошо.

Сергѣй Никол. А я сидѣлъ здѣсь съ Петей. Онъ такой милый мальчикъ! Онъ въ послѣднее время напоминаетъ мнѣ Николая . . .

Маруся. Да.

Сергѣй Никол. Но въ Петѣ много женственнаго, слабаго, иногда я безпокоюсь за него. А Николай — онъ такой энергичный, такой смѣлый. Какъ въ немъ все гармонично и стройно, какъ нѣжно и сильно! Это прекрасный образецъ человѣка мужественнаго, рѣдкая, красивая форма, которую природа разбиваетъ, чтобы не было повтореній.

Маруся. Да. Разбиваетъ. Я хотѣла сказать . . .

Сергѣй Никол. Онъ плѣнителенъ, какъ юный Богъ, въ немъ какія-то чары, противъ которыхъ нельзя устоять. Вѣдь его, Маруся, такъ любятъ всѣ, даже Анна, — даже Анна. И онъ такъ красивъ! Вамъ, Маруся, покажется это нелѣпо: онъ напоминаетъ мнѣ звѣздное небо. Звѣздное небо передъ зарей.

Маруся. Да. Звѣздное небо передъ зарей.

Сергѣй Никол. Онъ не могъ не бѣжать, я былъ увѣренъ въ этомъ. Тюрьма! Что такое тюрьма — эти ржавые замки и трухлявыя глупыя рѣшетки. Я удивляюсь, какъ они могли такъ долго держать его: они должны были улыбнуться и дать ему дорогу, какъ молодому счастливому принцу!

Маруся (падая на колѣни, съ тоской). Отецъ, отецъ, какой это ужасъ!

Сергѣй Никол. Что, что съ вами, Маруся?

Маруся. Разбита прекрасная форма! Отецъ — разбита, разбита прекрасная форма!

Сергѣй Никол. Онъ умеръ! Да говори же!

Маруся. Онъ . . . Его покинулъ разумъ. (Молчаніе. Вскакиваетъ.) Что же это! Проклятая жизнь! Гдѣ же Богъ этой жизни, куда онъ смотритъ? Проклятая жизнь. Изойти слезами, умереть, уйти! Зачѣмъ жить, когда лучшіе погибаютъ, когда — разбита прекрасная форма! Ты понимаешь это, отецъ? Нѣтъ оправданія жизни — нѣтъ ей оправданія.

Сергѣй Никол. Разскажи мнѣ все.

Маруся. Зачѣмъ? Развѣ можно это разсказать? Чтобы разсказать, нужно понять — а развѣ это можно понять?

Сергѣй Никол. Разскажи.

Маруся. Онъ былъ моимъ знаменемъ. Когда варвары бросили его въ тюрьму, я думала: но вѣдь это варвары, а онъ солнце. Я думала: вотъ сейчасъ поднимутся всѣ, кто любитъ его и разрушатъ тюрьму — и снова засіяетъ мое солнце. Мое солнце!

Сергѣй Никол. Какъ это случилось?

Маруся. Какъ гаснетъ звѣзда? Какъ умираетъ птица въ неволѣ? Пересталъ пѣть, сталъ блѣденъ и грустенъ — но успокаивалъ меня. Разъ только сказалъ: я не могу понять желѣзной рѣшетки. Что такое желѣзная рѣшетка — она между мною и небомъ.

Сергѣй Никол. Между мною и небомъ.

Маруся. А тутъ ихъ избили. Да, да. Они подняли бунтъ въ тюрьмѣ. Въ ихъ камеры ворвались тюремщики и били ихъ — по одному. Били руками — ногами ихъ топтали, уродовали лица. Долго, ужасно ихъ били — тупые, холодные звѣри. Не пощадили они и твоего сына: когда я увидѣла его, его лицо было ужасно. Милое, прекрасное лицо, которое улыбалось всему міру. Разорвали ему ротъ, уста, которыя никогда не произносили слова лжи; чуть не вырвали глаза — глаза, который видѣлъ только прекрасное. Ты понимаешь это отецъ? Ты можешь это оправдать?

Сергѣй Никол. Говори.

Маруся. И уже тутъ въ немъ проснулась эта страшная, смертельная тоска. Онъ никого не упрекалъ, онъ защищалъ передо мною тюремщиковъ — своихъ убійцъ — но въ его глазахъ росла эта черная тоска; душа его умирала. И все еще успокаивалъ меня, все

еще утѣшалъ. И разъ только сказалъ: всю тоску міра ношу я въ душѣ.

Сергѣй Никол. Дальше.

Маруся. Сталъ забываться. Потомъ умолкъ. Молча выходилъ ко мнѣ — молчалъ, пока я говорила и молча уходилъ. Глаза у него стали огромные, черные, какъ будто изъ нихъ смотрѣла тоска всего міра — и такой красоты я не видала, отецъ! А когда сегодня я пришла на свиданіе, онъ былъ уже въ больницѣ. Когда вчера его вели на прогулку, онъ хотѣлъ броситься съ лѣстницы, въ пролетъ, но его удержали. Потомъ — безуміе, горячечная рубашка — и все.

Сергѣй Никол. Ты видѣла его?

Маруся. Я видѣла его. Но объ этомъ я не стану говорить. Я не могу. Разбита прекрасная форма!

Сергѣй Никол. Они всегда избивали своихъ пророковъ.

Маруся. Отецъ! Какъ же можно жить среди тѣхъ, кто избиваетъ своихъ пророковъ? Куда мнѣ уйти, я не могу больше. Я не могу смотрѣть на лицо человѣка — мнѣ страшно! Лицо человѣка — это такъ ужасно: лицо человѣка. Я выплакала мои слезы -- та же тоска впереди — смертельная, послѣдняя тоска. Ты видишь: я спокойна. Какъ много звѣздъ! (Пауза.)

Сергѣй Никол. А Инна знаетъ?

Маруся. Да.

Сергѣй Никол. Что говорятъ врачи?

Маруся. Они говорятъ: идіотъ.

Сергѣй Никол. Николай — идіотъ?

Маруся. Да. Онъ будетъ долго жить. Онъ станетъ равнодушенъ, онъ будетъ много пить, ѣсть, потолстѣетъ, онъ проживетъ долго. Онъ будетъ счастливъ.

Сергѣй Никол. Николай — идіотъ! Какъ трудно это представить. Этотъ прекрасный человѣкъ, этотъ

гармоничный, свѣтлый духъ — погруженъ во тьму, въ скучный, бѣдный, еле колышащійся хаосъ. Онъ некрасивъ теперь, Маруся?

Маруся (съ горечью.) Да, онъ некрасивъ. А тебя это безпокоитъ?

Сергѣй Никол. Я радъ, что ты такъ спокойна; я не думалъ, что ты такъ сильна.

Маруся. Ужъ мѣсяцъ я переживаю изо дня въ день эту муку. Я привыкла. Что отецъ привычка: это должно быть тоже что-то вродѣ сумасшествія?

Сергѣй Никол. Что же ты хочешь дѣлать теперь?

Маруся. Не знаю, я еще не думала объ этомъ. Какъ то стыдно отецъ, надъ свѣжей могилой думать о своей — о новой жизни. Даже собакѣ нужно время, чтобы привыкнуть къ потерѣ щенка.

Сергѣй Никол. Николая я устрою, ему теперь немного надо. А ты, Маруся, больше не ходи къ нему. Совсѣмъ не ходи.

Маруся. Нѣтъ, а буду ходить!

Сергѣй Никол. Это кощунство. — Это такое же кощунство какъ оставить въ своей комнатѣ трупъ. — Трупы надо сжигать на огнѣ.

Маруся. Я и трупъ оставила бы у себя въ комнатѣ.

Сергѣй Никол. Зачѣмъ?

Маруся. Ты знаешь прелестную Элленъ? Я беру ее съ собой.

Сергѣй Никол. Противъ кого это?

Маруся. Не знаю. Противъ тебя.

Сергѣй Никол. Противъ меня?

Маруся. Да. Я нашла, я знаю теперь, что я буду дѣлать. Я построю городъ и поселю въ немъ всѣхъ старыхъ, какъ прелестная Элленъ, всѣхъ убогихъ, калѣкъ, сумасшедшихъ, слѣпыхъ. Тамъ будутъ глухо-

нѣмые отъ рожденія и идіоты, тамъ будутъ изъѣденные язвами, разбитые параличемъ. Тамъ будутъ убійцы . . .

Сергѣй Никол. Мнѣ жаль тебя Маруся.

Маруся. Тамъ будутъ предатели и лжецы и существа, подобныя людямъ, но болѣе ужасныя чѣмъ звѣри. И дома будутъ такіе же какъ жители: кривые, горбатые, слѣпые, изъязвленные; дома — убійцъ, предателей. Они будутъ падать на головы тѣхъ, кто въ нихъ поселиться, они будутъ лгать и душить мягко. И у насъ будутъ постоянныя убійства, голодъ и плачъ: и царемъ города я поставлю Іуду; и назову городъ: „Къ звѣздамъ!“

Сергѣй Никол. Бѣдная Маруся, мнѣ жаль тебя.

Маруся. Оставь! Ты не жалѣешь сына.

Сергѣй Никол. У меня нѣтъ дѣтей. Для меня одинаковы всѣ люди.

Маруся. Какъ это бездушно! Нѣтъ, я не пойму тебя.

Сергѣй Никол. Это оттого, что я думаю обо всемъ. Я думаю о прошломъ, и о будущемъ, и о землѣ, и о тѣхъ звѣздахъ — обо всемъ. И въ туманѣ прошлаго я вижу миріады погибшихъ; и въ туманѣ будущаго я вижу миріады тѣхъ, кто погибнетъ; и я вижу Космосъ, и я вижу вездѣ торжествующую безбрежную жизнь — и я не могу плакать объ одномъ!

(На лѣстницѣ показываются Петя и Инна Александровна. Она идетъ съ трудомъ и Петя ее поддерживаетъ. Медленно проходятъ черезъ куполъ.)

Инна Алекс. (бросается къ мужу). Колюшка нашъ, Колюшка! . . .

Петя. Мамочка! Мамочка! Не плачь.

Инна Алекс. Колюшка!

Сергѣй Никол. (усаживаетъ ее, выпрямляется, кричитъ). Отняли сына! Безумцы! Слѣпцы, на себя поднимающіе руку!

Инна Алекс. Ничего . . . отецъ. Проживемъ. Колюшка мой, Колюшка . . .

Сергѣй Никол. Еслибы солнце висѣло ниже, они погасили бы солнце, — чтобы издохнуть во мракѣ. Отняли сына! Отняли сына! Свѣтъ отняли! (Топаетъ ногой. Петя и Маруся плача становятся на колѣни и ласкаютъ Инну Александровну. Сергѣй Николаевичъ отходитъ на нѣсколько шаговъ и возвращается.)

Маруся. Прости меня, отецъ.

Сергѣй Никол. Не надо плакать, не надо. У насъ есть мысль. У насъ есть мысль. Да помоги же ты! . . . Да. Должно быть я старъ.

Инна Алекс. Колюшка.

Сергѣй Никол. Это ничего. Жизнь, жизнь вездѣ. Сейчасъ, въ эту минуту — да въ эту минуту! — родится кто то — такой же какъ Николай, лучше, чѣмъ онъ — у природы нѣтъ повтореній.

Маруся. Родится для безумія, для гибели! Родится для того, чтобы такъ же плакала надъ нимъ мать! Ты это хочешь сказать?

Сергѣй Никол. Мать? Да. Да. Онъ погибнетъ. Онъ погибнетъ, Маруся. Какъ садовникъ, жизнь срѣзываетъ лучшіе цвѣты — но ихъ благоуханіемъ полна земля . . . Взгляни туда, въ этотъ безпредѣльный просторъ, въ этотъ неизсякаемый океанъ творческихъ силъ. Взгляни туда! Тамъ тихо — но если бы ты могла слышать сквозь пространство и видѣть сквозь вѣчность, ты можетъ быть умерла бы отъ ужаса, а быть можетъ — сгорѣла бы отъ восторга. Съ холоднымъ бѣшенствомъ, покорные желѣзной силѣ тяготѣнія, несутся въ пространствѣ по своимъ путямъ безконечные міры — и надъ всѣми ими господствуетъ одинъ великій, одинъ безсмертный духъ.

Маруся (вставая). Не говори мнѣ о Богѣ!

Сергѣй Никол. Я говорю о существѣ, подобномъ намъ, о томъ, кто такъ же страдаетъ, и такъ же мыслитъ, и такъ же ищетъ, какъ и мы. Я его не знаю — но я люблю его какъ друга, какъ товарища. Въ тотъ мигъ, какъ при случайной встрѣчѣ двухъ невѣдомыхъ силъ загорѣлась первая жизнь — маленькая, крохотная жизнь амебы, протоплазмы — уже въ этотъ мигъ всѣ эти сверкающія громады нашли своего господина. Это мы — тѣ, кто здѣсь, и тѣ, кто тамъ. Великій просторъ небесъ! Древняя тайна! Ты надъ головой моею, ты въ душѣ моей и ты уже у моихъ ногъ, у ногъ твоего господина.

Маруся. Оно молчитъ, отецъ! Оно смѣется надъ ними!

Сергѣй Никол. Но я хочу — и оно говоритъ! Туда, въ эту синюю глубину посылаю я мой взоръ, и онъ скользитъ въ пространствахъ, и постигаетъ то, чего никогда, — никогда еще не видѣлъ человѣкъ. Я зову, и оттуда, изъ мрака преисподней выползаетъ на мой зовъ трепещущая тайна. Она корчится отъ злобы и страха и грозитъ раздвоеннымъ языкомъ, и моргаетъ ослѣпшими глазами — безсильное, жалкое чудовище, и тогда я радуюсь и тогда я говорю въ вѣка и пространства: привѣтъ тебѣ, сынъ вѣчности! Привѣтъ тебѣ, мой неизвѣстный и далекій другъ!

Маруся. Но смерть, но безуміе, но дикое торжество рабовъ? Отецъ, я не могу уйти отъ земли, я не хочу уходить отъ нея: она такъ несчастна. Она дышитъ ужасомъ и тоской — но я рождена ею и въ крови моей я ношу страданія земли. Мнѣ чужды звѣзды, я не знаю тѣхъ, кто обитаетъ тамъ — какъ подстрѣленная птица душа моя вновь и вновь падаетъ на землю.

Сергѣй Никол. Смерти нѣтъ.

Маруся. А Николай? А сынъ твой?

Сергѣй Никол. Онъ въ тебѣ, онъ въ Петѣ, онъ во мнѣ — онъ во всѣхъ, кто свято хранитъ благоуханіе его души. Развѣ умеръ Джіордано Бруно?

Маруся. Онъ былъ великъ.

Сергѣй Никол. Умираютъ только звѣри, у которыхъ нѣтъ лица. Умираютъ только тѣ, кто убиваетъ, а тѣ, кто убитъ, кто растерзанъ, кто сожженъ — тѣ живутъ вѣчно. Нѣтъ смерти для человѣка, нѣтъ смерти для сына вѣчности!

Инна Алекс. Колюшка! Колюшка!

Сергѣй Никол. Въ храмахъ древнихъ поддерживался вѣчный огонь. Испепелялось дерево, выгорало масло, но огонь поддерживался вѣчно. Развѣ ты не чувствуешь его — тутъ, вездѣ? Развѣ въ себѣ не ощущаешь его чистаго пламени? Кто далъ тебѣ эту нѣжную душу, чья мысль, улетѣвшая изъ бреннаго тѣла живетъ въ тебѣ — ты можешь ли сказать, что это мысль твоя? Твоя душа — лишь алтарь, на которомъ свершаетъ служеніе сынъ вѣчности! (Протягиваетъ руку къ звѣздамъ.) Привѣтъ тебѣ, мой неизвѣстный, мой далекій другъ!

Маруся. Я пойду въ жизнь.

Сергѣй Алекс. Иди! Отдай ей то, что ты взяла у нея же. Отдай солнцу его тепло. Ты погибнешь, какъ погибъ Николай, какъ гибнутъ тѣ, кому душой своей, безмѣрно счастливой, суждено поддерживать вѣчный огонь. Но въ гибели твоей ты обрѣтешь безсмертіе. Къ звѣздамъ!

Петя. Ты плачешь, отецъ. Дай поцѣловать мнѣ руку, дай!

Инна Алекс. Ужъ ты . . . не плачь, отецъ. Какъ нибудь . . . проживемъ.

Маруся. Я пойду. Какъ святыню, сохраню я то, что осталось отъ Николая — его мысль, его чуткую любовь, его нѣжность. Пусть снова и снова убиваютъ

его во мнѣ — высоко надъ землей понесу я его чистую непорочную душу.

Сергѣй Никол. (протягивая руки къ звѣздамъ). Привѣтъ тебѣ мой далекій, мой неизвѣстный другъ.

Маруся (протягивая руки къ землѣ). Привѣтъ тебѣ, мой милый, мой страдающій братъ.

Инна Алекс. Колюшка . . . Колюшка . . .

ЗАНАВѢСЪ.

J. H. W. DIETZ NACHFOLGER
STUTTGART.

Поступили въ продажу:

М. Горькій — Дѣт[…] бама
Цѣна 2 марки.
М. Горькій — Вар[…]
ствіяхъ. Цѣн[…]
М. Горькій — Тов[…]
С. Юшкевичъ — […]
Цѣна 2 марки.
Е. Чириковъ — М[…]
Цѣна 2 марки.
Л. Андреевъ — Гу[…]
20 пф.
Л. Андреевъ — Х[…]
Л. Андреевъ — Т[…]
Скиталецъ — По[…]
Скиталецъ — Лѣс[…]

Подгото[…]

Л. Андреевъ — С[…]
М. Горькій — Нов[…]

ROSENTHAL & CO., BUCHDRUCKEREI, BERLIN SO. 16.